

Григорий Шаргородский

Укротитель

Москва, 2018

Григорий Шаргородский

Трилогия
в одном
томе

- Поводырь чудовищ •
- Защитник монстров •
- Истребитель тварей •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ш25

Серия основана в 2005 году
Выпуск 160

Художники
В. Федоров, М. Поповский

Шаргородский Г. К.

Ш25 Укротитель: Поводырь чудовищ; Защитник монстров; Истребитель тварей. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018. — 730 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2712-3

Сын известного дрессировщика Владислав Воронов всегда мечтал продолжить дело отца, но он даже не представлял, какими животными ему предстоит повелевать в будущем, и не на цирковой арене, а на поле битвы.

Чужой мир принял случайного гостя неласково, но при этом раздул в нем пламя таланта укротителя до невиданной мощи. Здесь Владу предстоит найти друзей и врагов, испытать горе и радость, обрести власть над смертоносными гигантами, которые будут беспрекословно подчиняться воле своего поводыря. Его ждут битвы, где воины и маги сталкиваются с боевыми чудовищами, сокровища проклятого острова и тайны мрачного культа смерти.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2712-3

© Шаргородский Г. К., 2018
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2018

• Поводырь чудовищ •

ПРОЛОГ

Каждый шаг в сжатом каменными стенами коридоре отзывался коротким эхом. Звук возникал и, пометавшись в замкнутом пространстве, умирал. Сердце в моей груди чувствовало себя точно так же. Адреналиновая атака каждую секунду грозила разорвать бедную мышцу, которой неосмотрительно доверили самую главную функцию в организме. Мне было действительно страшно. И это несмотря на то, что две мощные фигуры за спиной не являлись конвоирами, да и казнить меня никто не собирался. Просто мне предстояла встреча, которой я ждал и боялся.

Коридор освещали лишь редкие факелы, и появление в левой стене проема, забранного толстенной решеткой, я прозевал. В следующую секунду из мглы за решеткой возникла жуткая морда, оскалившаяся острыми и длинными клыками. Мощный удар заставил железные прутья содрогнуться, а вибрирующий рев отбросил меня на противоположную стену. От волнения и неожиданности нападения мое сознание поплыло.

Вот будет номер, если грохнусь в обморок, словно девица.

В следующую секунду я проснулся. Или очнулся?

Невообразимая какофония из звона сталкивающегося металла, рева и предсмертных криков ударила по ушам. Нос заполонили запахи крови, дыма, ярости и страха.

Покачнувшись, я с трудом встал на ноги и, покрепче сжав древко, шагнул вперед. На месте стоять было нельзя, потому что каждая секунда могла стоить мне жизни. Взгляд тут же зацепился за большую кучу из огромных кусков мяса, когда-то бывших живым существом. Вокруг неподвижно лежали или дергались в агонии десятки тел, но меня интересовали только те, что были погребены под сочившимися кровью кусками плоти. Пока что я мог рассмотреть лишь голову и одну руку, сжимающую длинный кнут.

Внезапно едва угадывающиеся в прорезях залитого кровью шлема глаза широко распахнулись, а сжимающие рукоять кнута пальцы сжались. Извивающаяся по залитой кровью земле и мертвым телам магическая «змея» внезапно засветилась мертвенным сиянием. Это сияние отразилось страхом в моей груди, и мне не оставалось ничего

другого, как прыгнуть вперед, в безумной надежде успеть первым. Не отошедшее после падения тело отозвалось сильной болью... и в этот момент я очнулся.

Или проснулся?

Глава 1

ПОПАДАНЕЦ

— Э, зоофил, не спать, а то в костер упадешь.

— Га-га-га! — тут же отреагировали на тупую шутку несколько грубых голосов.

Я действительно уснул, прямо сидя у костра умудрившись увидеть сразу два видения, причем одно внутри другого. Поначалу даже казалось, что сон не закончился, но вечерняя прохлада и жар от костра подтвердили реальность происходящего.

Уф... И приснится же такое! Хотя обстановка способствовала самым бредовым кошмарам. Над головой нависали вековые деревья, и в свете костра они казались живыми монстрами из детских сказок.

Прошедший день оказался изматывающим, но мне все равно пришлось присоединиться к остальным на вечерних посиделках, ведь на костре готовился ужин, да и гордость не позволяла рухнуть и сразу уснуть. Впрочем, это не избавило мою персону от очередного «наезда».

— Понимаю ваше недовольство, Викентий Петрович. Увы, Дине вы не понравились, я бы тоже, наверно, расстроился, хотя никогда и не приставал к ней с пошлыми намеками.

Украшенный шрамами боец по прозвищу Винт тут же залился краской, но отнюдь не смущения, а ярости. Казалось, он сейчас прыгнет через костер и убьет меня одним ударом своего огромного кулака. Иллюзий я не питал. Не скажу, что уродился слабосильным заморышем, но рядом с его огромной тушей смотрюсь мелковато. Вечно мой язык доводит меня до беды.

— Винт, сядь и заткнись, — прозвучал голос одного из тех, кто секунду назад смеялся вместе с остальными.

Этот голос, да и тихое рычание Дины рядом со мной удержали наемника от немедленного убийства. Он сел обратно на длинную колоду, но, вместо того чтобы окатить меня яростным взглядом, лишь ехидно улыбнулся. И эта улыбочка мне не понравилась — такое впечатление, что он знает что-то неизвестное мне и это «что-то» тешит его уязвленное самолюбие.

Я же решил не накалять обстановку и перевел взгляд на пляшущие лепестки пламени.

Судьба — штука очень странная и непредсказуемая, но кто бы мог подумать, что я окажусь посреди брянских лесов в компании троих

мордovorотов, чьи ухватки говорили о реальном боевом опыте и прохождении не одной горячей точки на нашей беспокойной планете? Даже не знаю, имею ли я право жаловаться на судьбу. По большому счету мне не приходилось голодать или унижаться перед сильными мира сего, но, с другой стороны, счастливой мою судьбу тоже не назовешь.

С рождения и до шестнадцати лет моя жизнь напоминала сказку, которой мог позавидовать любой ребенок, ведь родился я в цирке. Причем в прямом смысле — до роддома доехать не успели.

Двадцать шесть лет назад огромный как медведь укротитель львов и тигров влюбился в хрупкую гимнастку, и через год у них родился мальчик. Чем не сказка? Но, увы, счастливой эта сказка была только шесть лет. Ровно столько продлился цирковой брак. Гимнастка быстро поняла, что мировая известность не грозит ни ей, ни мужу, и, дождавшись нужного момента, исчезла с каким-то ходячим кошельком. Виню ли я ее в этом? Даже не знаю. Все детство очень страдал и ждал ее возвращения, затем винил, а сейчас все как-то пергорело. Даже в гибели отца виноват только он сам. Он столько держался и никогда не входил в клетку пьяным, а вот в семнадцатую годовщину их брака сорвался. Все закончилось быстро — хватило одного удара огромной лапой. Цезаря, конечно, усыпили, хотя вины благородного зверя в произошедшем не было.

Увы, отцовская группа мне не досталась — нашлась кандидатура получше. И это при том, что и отец, и директор цирка поразились моему умению находить общий язык с хищниками. В детстве я постоянно норовил залезть в клетку к отцу Цезаря, Ганнибалу. А этот зверь обладал весьма скверным характером. Я даже слышал, как директор предлагал отцу подумать о подготовке номера с моей головой в пасти льва. Думаете, мне было страшно? Ничуть — почему-то до сих пор во мне живет уверенность, что ни один зверь не сделает мне ничего плохого. Хотя по-настоящему диких хищников я пока еще не видел.

Увы, все эти способности не помогли мне занять отцовское место.

Проработав в цирке чуть меньше года униформистом, я ушел в армию, где закономерно попал на границу и получил боевого товарища, хотя ничего не понимал в кинологии. Мы с Барсом дрессировались на пару, и это у нас неплохо получалось, так что после выхода на гражданку я уже имел довольно прибыльную профессию.

Именно эта профессия в конечном итоге и привела меня в брянские леса, где пришлось делить место у костра с компанией наемников и кавказской овчаркой Диной. Два года назад, позарившись на неприлично высокую зарплату, я пошел на работу в особняк одного банкира, где приглядывал за десятком разных питомцев: начиная с визгливой и вздорной болонки и заканчивая парой кавказцев и донельзя злым питбулем. Кстати, именно тот факт, что я умудрился

найти общий язык с этим в принципе несчастным и психически покалеченным животным, и обеспечил мне высокие доходы. Банкир любил пса, но приближаться к нему опасался.

Питбуль по кличке Рык остался в особняке, а меня с Диной работодатель за каким-то чертом потащил в экспедицию. И не сидится же старику дома.

Что бы ни искал старик в брянских лесах, но мне приходилось плестись следом, причем в компании не совсем приятных мне людей. Вдобавок к хорошо знакомым телохранителям шефа Лехе и Степе в Трубчевске к нам присоединились четыре человека, одетых как охотники, и еще два явно местных жителя. Судя по внешнему виду, местные работяги если и не скатились на самое дно, то были уже близко. Оба шли по лесу, демонстрируя всему миру глубоко отпечатанное на лицах желание выпить.

А вот «охотники» были слеплены совсем из другого теста — молчаливые, подтянутые и злобные. С Винтом мы не поладили сразу — ему не понравилась Дина, он даже попытался пнуть ее ногой, что не понравилось уже мне. Вот так, слово за слово, я и приобрел головную боль, причиной которой стала увесистая затрещина. Конечно, после этого можно было бы интеллигентно заткнуться, но не с моим характером.

Больное место наемника обнаружилось, когда наш кортеж из четырех джипов проезжал небольшую деревеньку в лесу. Там нас остановил местный участковый. По большому счету никаких проблем не возникло, и мы разошлись, оставив стражу закона зелененькую бумажку. Но во время проверки документов я подслушал, как участковый называл имя и отчество Винта. И теперь каждый раз, когда я произносил: «Викентий Петрович», Винта почему-то трясло. Вот так мы и «кусали» друг друга, пока джипы не уперлись в поворот проселочной дороги, от которой в нужном нам направлении шла не приметная тропинка. После этого было как-то не до словесной пикировки.

Шли весь день, и я уже не чувствовал ног. Нагруженных лопатами и ломками рабочих вообще пришлось подгонять пинками. Наемники в свою очередь двигались легким шагом, словно и не тащили на своем хребте увесистые рюкзаки. Проще всего было шефу — телохранители быстро соорудили своеобразный паланкин с сиденьем и, как два битюга, потащили хозяина через лес, только треск шел на всю округу.

Закончив с ужином и посидев немного у костра, мы начали готовиться к ночевке. Оба телохранителя уже разбили палатку и, расположившись у ее входа, хранили сон работодателя. Наемники разделились на две пары — одна полезла в двухместную палатку, а вторая исчезла в окружающей лагерь темноте. Я покосился на рюкзак, который весь день тащил на себе, и, горестно вздохнув, достал из него

спальный мешок. Разбивать палатку не хотелось, а если честно, и необходимых навыков у меня не было.

Вжикнув застежкой и пару минут поворочившись, я быстро уснул, убаюканный мерным дыханием прислонившейся ко мне Дины.

Утром после легкого завтрака со всей решительностью навьючил на себя рюкзак, готовясь к долгому маршу, но через час блуждания под куполом леса наша походная колонна остановилась. Приятной новостью стало то, что мы достигли цели нашего путешествия. Брянская область — это вам не Сибирь, и совсем глухих уголков, к которым нужно неделями добираться по бурелому, здесь не осталось.

Палатку ставить было откровенно лень, да и времени на это не оставалось. Шеф отправил меня обратно на тропу вместе с Диной и Винтом. Приказ был предельно ясен — бдеть, чтобы по нашим следам никто не прошел незамеченным. Нам с Диной было поручено обнаружение, а Винту силовое противодействие незваным гостям. Непонятно, зачем здесь нужна собака и, соответственно, ее поводья. Еще напрягало молчание Винта. Мало того, время от времени он бросал на меня странные взгляды. Вновь появилось ощущение, что я не знаю чего-то очень важного.

Так мы просидели целый день, даже пообедали прямо на посту принесенной Степой кашей с мясом. Когда вечная тень леса уже начала усугубляться вечерними сумерками, сзади раздался треск веток, и к нам подошел Леха. То, что идет один из моих старых знакомцев, стало понятно сразу, потому что наемники, в отличие от телохранителей, двигались по лесу, как тени.

— Слава, тебя хозяин зовет, — сказал Леха, почему-то пряча глаза.

А вот Винт вдруг заулыбался. Он удобнее перехватил охотничий карабин и шагнул чуть в сторону, становясь на тропу. Сразу жутко захотелось рвануть в лес и бежать куда глаза глядят. Но явных причин экстренно спасти свою жизнь пока не было — не расценивать же ухмылку наемника как угрозу, — да и вряд ли удастся сбежать от этого хищника. Дина, почувствовав мое настроение, глухо зарычала.

— Спокойно, девочка, все хорошо. — Я погладил собаку по голове и шагнул в сторону лагеря.

Леха пошел впереди, показывая дорогу, а Винт тихо заскользил сзади.

В лагере мы не остановились и прошли дальше. Метров через тридцать я начал различать в просветах между сплетением веток какую-то возвышенность, а еще через двадцать метров понял, что это поросший лесом курган.

Чуть в стороне от прорубленной в зарослях тропы виднелась изрядная куча свежего грунта. Вблизи стало понятно, откуда именно извлекли этот грунт.

Блин, они же раскопали курган. И зачем им это нужно?

Короткий тоннель, который мне пришлось преодолевать согнувшись, а моим сопровождающим едва ли не на четвереньках, вывел нас в сложенное из плохо отесанных каменных блоков помещение. Комната была похожа на перевернутый котел где-то десятиметрового диаметра. Единственным предметом интерьера в странном зале был цоколь колодца и примыкающая к нему каменная стена.

Слабый дневной свет остался снаружи, внутри все освещалось мощными фонарями, которые давали довольно густую тень. Именно поэтому я только через пару секунд сумел рассмотреть, что в тени прикрепленного к стене фонаря лежат оба наших рабочих, причем в связанном виде. По спине тут же пробежался холодок страха.

— Сергей Владимирович, вы меня звали? — спросил я дрогнувшим голосом.

— Да, Слава, звал. Хочу рассказать тебе одну легенду.

Обстановка мало располагала к выслушиванию лекций по истории, но выбора мне никто не предоставил.

— Почти тысячу лет назад в этих лесах жили вятичи. Они были смелым и предприимчивым народом, пережившим много горестей и побед, но не это привлекло меня в их истории. Когда-то я занимался историческими исследованиями и был очень близок к профессорской степени, но быстро понял, что это неблагоприятное занятие. В те времена я наткнулся на очень интересную историю о князе вятичей, имя которого тебе мало что скажет. Так вот, жил этот князь необычайно долго и умер не своей смертью, а от вражеского меча. При этом здоровье имел отменное до ста двадцати лет, и это при том, что в те времена даже сорок было в радость. История мало что сохранила об этом человеке, но я все же нашел упоминания о нем самом и о том, как он выкупал и захватывал пленников из разных славянских племен, которые сразу же исчезали в неведомом направлении. Нашел я все это, когда годы легли мне на плечи тяжелым грузом, да и здоровье начало портиться.

— А зачем вы мне об этом рассказываете? — не выдержал я.

— А затем, мой юный друг, что недавно я купил раритет: рукопись, в которой упоминается колодец, дарующий здоровье и долголетие. И вот именно это касается тебя самым непосредственным образом. Ты удостоен чести стать первопроходцем.

Я попытался дернуться, но тут же почувствовал, как мои руки, словно клещами, ухватили наемники. Дина тут же зарычала, но была прервана строгим голосом.

— Дина, ко мне, — приказал банкир, и собака покорно пошла к своему хозяину. Вот такие вот дела.

Наемники быстро связали меня, предварительно избавив от всего, кроме джинсов и футболки. Даже ботинки сняли, сволочи. Винт хотел двинуть мне кулаком в лоб, чисто для профилактики, но ему этого не позволили.

— Не повреди его, — сказал банкир, подходя к стеле. — Вдруг он должен быть абсолютно здоров.

— За что? — Надеюсь на чудо, я все же попытался достучаться до совести своего бывшего работодателя.

— А ты думал, что я не узнаю о твоих шашнях с моей женушкой? — вдруг окрысился мой бывший работодатель. — Ничего, вернись обратно, и она последует за тобой. Главное, чтобы все сработало. Не уверен, что троих хватит, чтобы полностью вернуть мне силы.

Да уж, я редкостный идиот. И ведь поверил этой стерве на слово. Она клялась, что муж — импотент и смотрит на интрижки молодой жены сквозь пальцы. Впрочем, нет смысла кивать на обман, в тот момент в моем организме процессом принятия решений занималась отнюдь не голова.

Мне даже не удалось послать своей бестолковой любовнице последние проклятия — наемники подхватили меня и сунули головой в колодец. Я только успел заметить, как старик торжественно возложил руку на вершину стелы.

Диаметр колодца был достаточно большим, и вниз я летел плашмя лицом вверх, поэтому успел заметить все подробности фантастического действия. По стенам колодца засверкали молнии, а затем сверху что-то грохнуло. Звук взрыва вдруг оборвался, и я ударился спиной о землю. Причем приземлился довольно мягко, даже не потеряв сознания. Правда, на голову тут же свалился кусок камня, но и он не вырубил меня, а лишь набил изрядную шишку.

Надо мной раскинулось бездонное небо с чуть розоватыми облаками. Солнца пока не было видно — оно находилось за лесом, что не удивительно для вечернего времени.

Какой там вечер! Вокруг было значительно светлее, чем в брянском лесу — там уже начинались сумерки. Да и вообще, окружающая обстановка больше напоминала раннее утро, чем вечер.

Это, конечно, интересно, но еще интереснее, как избавиться от веревок.

Перейдя к основной проблеме, я наконец-то осмотрелся вокруг и увидел, что нахожусь в каком-то капище. Как должно выглядеть древнее место поклонения богам, я не знал, но, глядя на вытесанные из огромных колод изваяния, в голову пришло именно это слово.

Изображения местных богов — сомнений в этом не было — стояли полукругом, обрамляя пространство десятиметрового диаметра, в центре которого лежала моя связанная тушка. Стоит отметить, что деревянные скульптуры не выглядели особо древними. Одна даже сверкала белизной свежеструганого дерева.

В голове тут же мелькнула мысль — если быстро не убраться отсюда, то в капище могут появиться жрецы. Вот они обрадуются готовой к применению жертве.

Испуганный этой мыслью, я осмотрел изваяния внимательнее. Вроде кровавых потеков не наблюдалось, да и у основания художественно отесанных столбов имелись только какие-то черепки, бусы и увядшие цветы.

Это очень хорошо, но радоваться пока рано.

Из общей картины выбивались лишь подаяния усатому божеству с нахмуренными бровями. Позолоченные усы божка о чем-то напоминали, но в этот момент мне было как-то не до исторических деталей, потому что взгляд зацепился за ржавый нож, рукоять которого виднелась в груди пожертвований.

Извиваясь как гусеница, я дополз до столба и уже начавшими немать пальцами нащупал рукоять ножа.

Пока пилил веревку, несколько раз порезался, но раздражение от этого факта легко смылось облегчением, когда путы наконец-то упали, позволяя мне встать на ноги.

— Извините, уважаемый, но это я оставлю себе, — обратился я к изваянию с золотыми усами, запихивая нож за ремень на джинсах.

Только после освобождения мне в голову начали приходить иные мысли кроме спасения собственной жизни.

Во-первых, что случилось в брянском лесу? Нет, меня интересовало не оздоровление этого уroda-банкира, а молнии в колодце и камень мне на голову. Если учитывать взрыв и то, что на меня чуть позже не свалились работяги-алкаши, что-то пошло не так.

Надеюсь, мой мучитель получил свой камешек в лоб, да еще и с летальным исходом!

Вопрос второй — куда я попал? А в том, что «попал», можно не сомневаться — фишка с отторжением окружающей реальности для спасения психики от перегрузки у меня никогда не проходила. У тех, кто работает с более чем реальными хищниками, иллюзии заканчиваются после первой «улыбки» льва, остается только логика и реальная оценка собственных сил. Все удивляются смелости дрессировщиков, но ее не существует. Смелость и отвага — это психическое расстройство сродни любви, а в работе с хищниками можно опираться только на знания, опыт и холодный расчет.

Итак, я попал, но куда? Единственным путем к ответу на этот вопрос представлялась тропинка, ведущая в лес. Что ж, пойдем и спросим — бродить по лесу в одиночестве все равно не вариант. Местным выследить меня раз плюнуть, а вот отношение к тому, кто крадется по лесу, вместо того чтобы открыто выйти к людям, диаметрально противоположное.

Лес рос на благодатной почве без вкраплений камня, поэтому моим босым ногам на тропе было вольготно и отсутствие обуви совсем не удручало. И это учитывая, что в брянских лесах мы оказались в середине осени!

Вторая странность только начала проникать в мой мозг, как тут же все мысли покинули его, оставив лишь настороженность. Прямо по курсу моего следования послышался тонкий детский визг. Кричала девочка. Не скажу, что я обожаю детей, но, как и любой нормальный мужчина, не смогу пройти мимо, если ребенок в беде. Сорвавшись с места, я побежал по тропе, доставая из-за пояса свое единственное оружие.

Огромная поляна, на которой раскинулось поселение, открылась неожиданно, но времени рассматривать бревенчатые здания у меня не было, потому что взгляд моментально приковала к себе беленькая фигурка, уцепившаяся за нижнюю ветку высокого дерева. Девочка лет шести висела на дереве, не в силах подтянуться. Пара обломанных сучков позволила ей добраться до толстой ветки на солидной высоте, но дальше дело не пошло.

Похоже, я провалился в прошлое. Подобный вывод можно было сделать по расшитой длиннополой рубахе на ребенке и украшенному бисером подобию кокошника. Одежда явно славянская.

Впрочем, поспешный вывод насчет темпорального путешествия оказался ошибочным, это выяснилось, едва я опустил глаза на того, кто так напугал ребенка.

Слонови какашки! То, что прыгало под деревом, не было похоже ни на что виденное мною не только в реале, но и в фантастических фильмах, включая ужастики. Какой-то крокодил на высоких ножках.

Это другой мир! И только тогда реальность навалилась на меня всем весом. Мозг все же сыграл со мной злую шутку, отсекая от внимания некоторые детали. И трава с голубоватым оттенком зелени, и листья более округлой формы.

Мир был очень похож на земной, но все же это далеко не Земля. И, словно подтверждая мою позднюю догадку, над лесом показались краешек огромного солнца. Впрочем, привычное Солнце огромное светило напоминало мало, хорошо хоть свет был более или менее привычного спектра.

От созерцания окрестностей меня оторвал совсем уж отчаянный визг. Девчущка вот-вот должна была сорваться прямо в зубы крокодилообразного монстра.

Бросаться на помощь сломя голову было глупо, и я быстро оценил обстановку (жаль, что не сделал этого чуть раньше).

Так, заблокировать челюсти этого монстра бесполезно, если у него и есть рефлекс мертвого хвата, то такие зубы перекусят руку даже с самой толстой намоткой, а у меня только футболка. Но вариант был — ошейник на зубастой животине подсказал дальнейший план моих действий.

Короткий свист отвлек «собачку» от ее жертвы.

— Молодец! Хо-оро-ошая собака, — начал хвалить я зверя, пользуясь нехитрым приемом старых собаководов.

То, что домашние питомцы способны понимать человеческую речь, является выдумкой. Максимум — они способны связать определенные сочетания звуков с некими действиями, к которым их приучили. Звери реагируют только на интонацию, зато очень хорошо понимают, когда их хвалят, а когда ругают. Также они прекрасно понимают угрозу, поэтому я уронил нож в траву и чуть присел, скорчив умильную рожицу.

Собакокрокодил удивленно уставился на меня, не понимая, за какие такие заслуги его хвалит этот незнакомец. Подобное обращение он слышал только от хозяина и близких ему людей, а значит, незнакомец может оказаться другом хозяина. Но его запах незнаком! Тогда чего ж он хвалит? В такие моменты тренированные звери привыкли полагаться на команду хозяина, но хозяина-то рядом не было.

Сразу хочу уточнить, что такой прием работает далеко не всегда, но это в любом случае лучше, чем кидаться на большого зверя с палкой или, хуже того, убежать.

— Молодец, красивый пес, умничка. — Уверен, что местные обитатели говорят не на русском языке, но, как уже говорилось, язык был совершенно не важен. — Большая, красивая, умная собака.

Продолжая умильно улыбаться, я подошел к дереву и аккуратно поймал на руки обессилевшую девочку. Зверь шагнул назад и вновь зарычал.

— Что случилось, хороший мой? Что такое, красавец? — Мой голос источал мед, но строго определенной концентрации. Здесь не должно быть ноток лести или уговоров, только уверенная похвала, ведь страх будет сигналом к атаке.

Время нерешительности зверя стремительно утекало. В принципе я планировал забросить девочку на ветку и попробовать успеть залезть туда сам. К счастью, делать этого не пришлось. К счастью, потому что древолаз из меня аховый.

Со стороны поселения донесся сердитый голос, и зверь тут же убежал, подарив мне напоследок недоверчивый взгляд. Только теперь я заметил, что у нашего спектакля были зрители. Пока я уговаривал агрессора, из поселка подтянулось с десяток людей, одетых, как я и ожидал, в славянском стиле. Но ближе они подходить не стали. А вот одетый в красную рубаху и синие шаровары бородатый мужик оказался решительнее, и это не удивительно, потому что зверь принадлежал ему.

Незнакомец явно хотел сказать мне какую-то гадость, но, осмотревшись вокруг, понял, что ругать меня не за что. Народ загудел, переговариваясь, и, увы, в их речи я узнал лишь пару слов, и то приблизительно. Смысл остальных ускользал от меня полностью.

Неловкую паузу нарушило появление бегущего по тропинке человека. Одет он был значительно беднее хозяина зверя, но это не мешало ему налететь на бородача с криком. «Крокодиловод» отве-

тил ругательствами, но на агрессию не пошел и даже сдержал зарывавшего питомца. Впрочем, слушать его никто не стал. Русоволосый мужик с повязкой на лбу тут же оставил спор и, подбежав, вырвал у меня девочку. Он немедленно начал оцупывать ее на предмет поvreждений, приговаривая ласковые слова, которые для меня по-прежнему звучали непонятно.

Мне же оставалось стоять среди всей этой кутерьмы истуканом, совершенно не понимая, как действовать. Я наверняка сделал доброе дело. О причинах происходящего особо гадать нечего, скорее всего, девочка полезла туда, куда нельзя — возможно, в чужой сад, — и нарвалась на сторожевого зверя. Образовалась погоня. Сторож исполнял свои обязанности, и ему было плевать на возраст нарушителя, да и его хозяина подобные нюансы мало интересовали. В итоге все закончилось благополучно, а у меня здесь появился как минимум один доброжелатель. Один — потому что остальные смотрели в мою сторону предсказуемо настороженно, а вот хозяин зверя рассматривал с неприятным интересом.

Перепуганный отец наконец-то оторвался от дочки и, похоже, как и я, заметил взгляд бородача. Он попытался мне что-то объяснить, но лишь вздохнул, встретив непонимание. В это время бородач в красной рубахе развернулся и быстро повел пса в поселение. Вроде ничего странного, но это почему-то не понравилось моему доброжелателю.

Он побледнел и глубоко задумался. Через пару секунд русоволосый «очнулся», стукнул себя кулаком в грудь и, как мне показалось, представился.

— ...Богша.

И никаких тебе «аз есьм». Какой-то здесь не тот старославянский.

— Сла... — начал я, но быстро поправился. Родители дали мне вполне нормальное для здешних имя, так что ничего выдумывать не придется. — Владислав.

— Лепо, Владислав.

О, хоть что-то знакомое.

Наше знакомство приободрило Богшу, и он вновь залепетал, да так быстро, что не каждый местный смог бы его понять, что уж говорить обо мне. В очередной раз осознав, что его не понимают, Богша толкнул свою дочь в сторону стоявших поблизости женщин, а затем, схватив меня за руку, потащил за собой.

Сначала мы шли в направлении поселения, и я даже обрадовался, что меня хотя бы покормят, но, увы, мы так и не вошли в створ деревянных ворот, замыкавших кольцо высокого частокола. У самых ворот Богша свернул с главной тропинки, и мы пошли в обход.

За острыми верхушками толстенных кольев виднелись острокопечные крыши деревянных изб. Архитектурный стиль был похож на старорусский, но все же с примесью чего-то незнакомого.

Пройдя возле частокола, мы немного попетляли по проходам между полями-огородами и нырнули в лес. Очень хотелось спросить у Богши, что он задумал, но возрастающее беспокойство на его лице заставило промолчать.

Пока мы шли, мой новый друг постоянно что-то говорил, так что была возможность прислушаться к языку, который, скорее всего, станет для меня основным. Не скажу, что являюсь большим специалистом в языках, но возможность слышать старославянский в церкви у меня была. В речи Богши присутствовала та же мелодика, но при этом присутствовало много слов с каркающим германским звучанием.

Сделав выводы насчет языка, я переключился на окружающий мир. Внешне лес мало отличался от земного. Отличия конечно же были, но, как уже было сказано, все заключалось в разнице линий и оттенков, а не форм и основных цветов. От другой планеты ожидалось больших странностей. О том, что я уже не на Земле, постоянно напоминал огромный солнечный диск над головой.

При виде собакокродила я решил, что в дальнейшем встречу много удивительного как в животном, так и растительном мире новой планеты, но, как ни странно, дальше все было намного прозаичнее. У ворот поселения бегали куры, а на частоколе сидела хоть и большая, но вполне земная кошка. Огромный рыжий кошок проводил нас глазами, ничем не выдавая свою инопланетную сущность. На полях также росло то, чему и положено там расти, по крайней мере, в моем понимании этого вопроса. Здесь были и капуста и свекла. Чуть дальше колосилось пшеничное поле. Либо этот мир слишком похож на наш, либо люди принесли с собой много полезного.

Понимание того, что произошел перенос на другую планету, никак не повлияло на мое эмоциональное состояние. Или это пока на мозг давило шоковое состояние? Но смотрел я по сторонам больше с любопытством, чем со страхом. Не было ни истерики, ни долгого отрицания, когда одежда окружающих воспринимается как киношные костюмы, а странное поведение людей как несмешная шутка. Герои некоторых «попаданческих» романов умудрялись списывать даже необычный вид небесных светил над головой на галлюцинацию. А чего тут, спрашивается, рефлексировать? Попал так попал. Это надо быть идиотом, чтобы принять того же Богшу за киноактера или шутника. Ни один актер не сможет вести себя так естественно в этой одежде и этой среде.

Минут через пятнадцать быстрой ходьбы мы вышли из леса на открытое пространство, обрамлившее большую реку. Чтобы добраться до воды, нужно было спуститься вниз к деревянному форту с большой пристанью. За все это время Богша так и не отпустил мою руку. Мне даже стало неловко, но попытка вырваться ни к чему не привела. Наоборот, когда мы достигли середины спуска довольно

крутой тропинки, Богша оглянулся и побледнел еще сильнее. Что именно он там заметил, увидеть не довелось — мой проводник потянул меня с новой силой, и, чтобы не упасть, пришлось внимательно смотреть под ноги.

Наконец-то мы достигли ворот в обширный двор форта, на страже которого стояли два воина в солидной броне. На обоих были одинаковые пластинчатые доспехи и похожие на казанки шлемы. Оба стражника были вооружены копьями и мечами.

Ну здравствуй, Средневековье!

Все это мне удалось осмотреть мельком, потому что Богша перешел на бег.

Внутри форта помимо основного здания с бойницами пролегли две улицы, пересекавшиеся под прямым углом. По обеим сторонам больше похожей на переулок главной улицы находились одноэтажные строения как казарменного, так и явно обычного жилья.

Только добежав до одного из двух крыльев бревенчатой крепости, Богша наконец-то сбавил темп и, тяжело дыша, оглянулся. Бледность сошла с его лица, и он даже позволил себе улыбнуться в мою сторону. Мне же оставалось довериться человеку, чью дочь я спас от смерти.

Богша отпустил мою руку и, призывно кивнув, потянул на себя ручку тяжелой деревянной двери.

Шагнув внутрь, я попал в небольшое помещение с низким потолком. Посреди этой каморки стоял большой стол, за которым сидел похожий на медведя мужик с сединой в волосах и бороде. Кстати, было видно, что они с Богшей принадлежат к разным народам. Мой неожиданный друг имел явно славянскую внешность — русые волосы и серые глаза. А вот заседавший в каморке тип хоть и обладал светлыми волосами и голубыми глазами, но имел более острые черты лица. Шрамы на загорелой коже и потертый кожаный поддоспешник выдавали в нем воина, а если объединить все это с заляпанными чернилами пальцами, то можно сделать вывод, что передо мной армейский вербовщик. Не хватало только призывного плаката за спиной.

Так, с этого момента нужно быть очень внимательным.

Богша, поминутно оглядываясь на дверь, начал что-то втолковывать скучающему воину. Тот смотрел на меня с легким презрением и насмешкой. Чего уж там, на Шварценеггера я не похож, как и на крепкого крестьянина, так что у опытного воина были причины для пренебрежительных взглядов.

Вдруг ситуация изменилась. Вербовщик услышал от Богши нечто, заставившее его напрячься. Он встал из-за стола и подошел к углу каморки. Помещение освещалось парой масляных ламп типа каганца, так что после яркого дня я только спустя некоторое время начал различать детали интерьера этого места. За столом вся бревен-

чатая стена была занята полками со свитками. В левой от меня стене имелась дверь в глубь дома, а на правой сплошь висело оружие. В углу между стенами со свитками и оружием лежала куча тряпья, которая не совсем сочеталась со спартанской, при этом ухоженной, обстановкой. Вербовщик подошел к замеченной мной куче и пнул ее ногой. Тряпье зашевелилось, и через секунду я увидел новый персонаж в этой слегка отдающей бредом «пшесе».

Это был второй представитель неземного вида живых существ, и на сей раз явно разумного. С виду гуманоидного типа существо походило на гибрид человека с птицей. Обтянутое темно-коричневой, морщинистой кожей тело венчала лысая, почти человеческая голова с самым натуральным клювом. Половину верхней часть головы занимали огромные карие глаза с двумя радужками. Так что получалась конструкция с тремя кругами, если считать от центра — черным, карим и розовым.

Распрявившись, «птиц» явил мне свой метровый рост, к тому же стало понятно, что лохмотья являются не бомжацким прикидом, а особым стилем одежды, словно заменявшей отсутствующие перья. В распрямленном состоянии одеяние смотрелось довольно органично.

Внезапно существо прыгнуло вперед и приземлилось на стол, по-птичьи оттопырив зад. От неожиданности я отшатнулся.

Вербовщик коротко отругал «птицу» и даже шлепнул ее по лысой голове, но не сильно и без злобы. Затем человек заговорил, обращаясь уже ко мне. Примечательно, что его речь немного отличалась от говора Богши. В ней присутствовало больше отрывистых «германских» слов. Такое впечатление, что два моих новых знакомых говорили на разных наречиях одного языка. Впрочем, понимание этого факта не делало речь вербовщика более понятной.

Я уже хотел отрицательно помотать головой, но внезапно в мой мозг ворвался целый рой картинок. Попытка вычленить хоть одну из них не удалась, но, как ни странно, десятки мелькающих образов оставили после себя понимание послания. Меня спросили, умею ли я обращаться с хищными животными. Судя по всему, это был перевод слов вербовщика в исполнении «птицы».

— Да, я умею работать с хищниками, и не только! — глядя в странные глаза существа, буквально проорал я и тут же попытался разжиться информацией: — Куда я попал?! Чего вы от меня хотите?! Кто...

Внезапно удар увесистого кулака по столу прервал мою экспрессивную речь. Вербовщик сказал несколько слов, и в мой мозг вновь влетел рой картинок, из которых становилось понятно, что меня не понимают и требуют лишь односложных ответов с помощью движений головы.

С трудом подавив раздражение, я кивнул. Затем еще раз, подтверждая свое умение обращаться с животными. Вербовщик явно повеселел. Еще одно предложение от вербовщика в сопровождении

«мыслефильма» донесло до меня предложение вступить в королевскую армию.

А вот тут я отрицательно и очень активно замотал головой.

Очередное обращение к моим ушам и мозгу было таким длинным, что даже заболела голова. Но я прекрасно понял, что выбора у меня нет. Человека, не принадлежащего ни к одному из местных кланов, ждет удел раба. Также мне предложили выглянуть за дверь. Намщик правильно понял взгляды Богши.

Делать было нечего, и я, приоткрыв дверь, посмотрел наружу.

Этого и следовало ожидать. На противоположной стороне улочки вальяжно расположилась группа из трех человек с небольшими дубинками в руках: уже знакомый мне черноволосый бородач в красной рубахе и двое мордovorотов, одетых победнее. Кстати, несмотря на цвет волос, бородач явно был сородичем и Богше, и своим русоволосым пособникам, чем отличался от того же вербовщика.

Не нужно долгих объяснений для понимания того, что я «попал», причем во второй раз. Чужой человек, без защиты, в рабовладельческой стране моментально становится собственностью более сильного. Взгляд на Богшу показал, что всю доступную ему помощь он уже предоставил — привел меня в единственное безопасное место в округе.

Что же, выбора у меня, похоже, нет.

Повинуясь жестам вербовщика, я позволил проколоть себе подушечку большого пальца и поставил кровавый отпечаток на бумажном свитке под длинным текстом.

Я вырос в мире специалистов по извращению законов и понимал, что подписывать документ, не прочитав его, — это чистой воды идиотизм, но неизвестные мне последствия еще далеко, а мужики с короткими дубинками рядом. И что-то подсказывало, что в случае сопротивления тут же вмешаются стражники и действовать будут отнюдь не на моей стороне.

Немного напряг момент, когда вербовщик передал Богше мешочек с монетами, но злоба на этого человека умерла в зародыше. Отец спасенного моими усилиями ребенка тут же подошел ко мне и протянул еще не согретый его руками кошелек.

— Нет, Богша, тебе нужнее, — без надежды на понимание сказал я, подкрепляя их отрицательным жестом.

Немного помявшись, он все же взял кошелек.

Вербовщик не захотел наблюдать за нашими пантомимами и выпихнул Богшу из комнаты, а меня проводил внутрь здания и определил на постой в пустую казарму.

Судя по пыли и запустению, длинное и узкое помещение с двухъярусными нарами пустовало давно, и я был здесь единственным жильцом. Но в тот момент подобные нюансы волновали меня меньше всего.

Хоть передраги вымотали меня до последней степени, есть все же хотелось больше, чем спать. Пока раздумывал, как привлечь к себе внимание, в казарме появился служка в льняной рубашке без вышивки и таких же портах. Он принес с собой деревянную миску с кусками мяса и хлеба. Разбираться, что это, я не стал и быстро заработал челюстями.

Едва голод пошел на убыль, глаза тут же стали слипаться. Так что я едва добрал до набитого травой тюфяка на нарах и моментально выключился.

Пробуждение прошло в полной темноте. Причем с первой же секунды я был уверен, что нахожусь в другом мире и все произошедшее со мной не сон. Тюфяк, разительно отличавшийся от пружинного матраца по удобству, очень даже способствовал правильному восприятию реальности. Судя по ощущениям, мне дали поспать не менее суток. Знать бы только, сутки здесь — это сколько? Продолговатые пропилы в бревнах под потолком, которые выполняли функции окон и отдушин, подсказывали, что на дворе ночь, — какими бы узкими они ни были, но все же днем должны пропускать хоть немного света.

Ну и что мне делать в этой темени?

Попытка обследовать окрестности ни к чему не привела — единственные двери в казарме были подперты чем-то снаружи. Впрочем, паники это не вызвало — я бы и сам не позволил чужаку разгуливать по дому, особенно по ночам.

Оставалось вернуться на ложе и ждать. Несмотря на долгий сон и подступающее чувство голода, мне все же удалось уснуть.

Во второй раз меня разбудил тот же служка и провел по бревенчатым коридорам куда-то в другое крыло здания.

Через пять минут блуждания по коридорам и светлицам мы вышли в обширный зал, в котором даже имелись окна с вполне приличными стеклами.

Ага, не такое уж тут дремучее средневековье. Помещение оказалось столовой. Шесть огромных столов с лавками были наполовину заняты парой дюжин воинов, быстро утолявших голод. Судя по всему, здесь культивировалось самообслуживание, поэтому я, не мудрствуя лукаво, встал в небольшую очередь и через пару минут получил в руки уже знакомую деревянную миску, теперь с горячей кашей. Только ложки я что-то не наблюдал ни в миске, ни поблизости. Плохо то, что мой сопровождающий уже ушел.

Благодаря короткой пантомиме и добродушию поварихи я все же получил столовый прибор. Искала она его долго, а это значит, что в этом мире работало старославянское правило — у каждого своя ложка.

Народ косо посматривал на меня, но с расспросами не лез, что вызвало уважение к их выдержке и дисциплине. Со стороны я представлял еще то зрелище — всклокоченная прическа, босые ступни и

странные узкие штаны. Но это еще полбеды — лето на дворе, босой прислуги вокруг хватает. А как объяснить их равнодушие к грязной футболке с мордой чужого на лицевой стороне? В земном прошлом меня бы уже потащили на костер, по крайней мере в Европе. Любопытные взгляды окружающих имели поверхностный характер, и никто не пытался рассмотреть изображение голливудского монстра. Возникло такое впечатление, что они видели нечто и пострашнее. В голове этот факт скооперировался со вчерашними вопросами о моих умениях общаться с животными, и мне что-то поплохело. Аппетит улетучился, но я все же заставил себя доесть всю кашу. Мало ли когда меня еще покормят.

Словно подглядывавший за мной, служка появился, как только показалось дно деревянной посуды. Он поманил меня жестом за собой и вывел из здания. На этот раз наши блуждания по дому были не такими продолжительными. Пройдя короткий коридор, мы оказались под утренным солнышком.

Не останавливаясь на пояснения, служка направился по улице к главным воротам форта. У меня даже мелькнула мысль, что все пошло наперекосяк, но вид десятка молодых парней у ворот чуть успокоил проснувшуюся паранюю.

Судя по всему, это были мои коллеги-новобранцы, и все явно из близлежащих поселений. Именно поэтому ночевал я в одиночестве.

В отличие от меня, парни были неплохо одеты и имели увесистые дорожные мешки за плечами. Всех провожали как минимум по двое родственников, а вот меня проводить было некому. Хотя нет, вру. На ведущей от леса тропинке появились две фигурки — маленькая и большая.

Маленькая тут же вырвалась вперед, но, не добежав до меня пару метров, застыла в нерешительности. Богша подошел следом. Мы все втроем улыбались, но так и не смогли ничего сказать. Впрочем, все было понятно и без слов. Богша сбросил со спины увесистую котомку и начал доставать оттуда разные вещи. Сначала он протянул мне белую рубаху, расшитую у ворота синими и красными узорами. Богша с удовольствием указал сначала на вышивку, а затем на свою дочь.

— ...Пламена.

— Пламена? Очень красиво, — тут жеотреагировал я.

Девочка интуитивно угадала похвалу и покраснела. После этого я получил поршни — что-то среднее между кожаными тапочками и мокадинами. Точно такая же обувка была и на Богше. Последними из котомки появились две ложки: деревянная с резьбой и серебряная. Деревянную я с интересом осмотрел, а вот серебряную сразу вернул. В глазах моего друга прочиталось тайное облегчение. Съестные припасы Богша доставать не стал. Впрочем, на этом наше прощание и закончилось. Чем-то недовольный воин громко крикнул на

толпу провожающих и пошел в сторону пристани. Парни с котомками потянулись следом, так что мне пришлось срочно откланяться.

Короткая грунтовая дорога привела нашу группу к бревенчатому причалу, у которого явно еще с вечера был пришвартован большой корабль. От виденных мной исторических рисунков это судно ничем особым не отличалось — пузатая метров тридцати лодка с палубным настилом и совершенно одинаковыми кормой и носом. Больше всего удивляло то, что нигде не было видно весел. Интересно, а как они ходят вверх по течению? Парус тоже не впечатлял, так что ответ на мой вопрос крылся не в нем.

За нашей погрузкой наблюдал толстый купец в расшитом серебром алом полукафтани. По крайней мере, именно это название пришло мне в голову при виде его одежды. Под полукафтаним виднелась алая рубаха с вышитым золотом воротом. В общем, богатый дядька. Хозяин судна чуток поворчал на сопровождавшего новобранцев воина, но тот небрежно отмахнулся и тут же улегся на палубу в тени паруса.

Купец, продолжая ворчать, топнул ногой о палубу. На этот зов из трюмного люка появился уже знакомый мне «птиц». Он быстро перебрался к носу и уселся на специальный насест.

А вот это уже интересно.

Два загорелых парня, на которых из одежды имелись только урезанные до состояния шорт порты, подхватили длинные канаты с плетеными «грушами» на конце. Именно вид этих канатных «груш» меня и насторожил. Они были сильно изгрызены.

Ответ на осаждавшие мой мозг вопросы появился буквально через пару секунд. Как только груши упали за борт, водная гладь вдруг вспучилась бурунами и корабль резко дернуло. Купец недовольно завопил, а «птиц» втянул голову в плечи. Не знаю как, но в резком старте лодки было виновато именно это существо. А ведь мы действительно стартовали. Набирая скорость, ладья направилась к середине реки. Я пробежался взглядом по туго натянутым канатам и увидел два вытянутых вдоль темных спин плавника. Если судить по тому, что виднелось над водой, это были огромные угри. Метров эдак семь длиной.

Этот мир продолжал удивлять меня, и что-то подсказывало, что далеко не в последний раз.

Наши «букиры» тащили судно довольно резво, по крайней мере если сравнивать с парусными и гребными судами. А сравнивать было с чем. Время от времени мы обгоняли более бедных или жадных коллег приютившего нас купца. Путешествие становилось приятным. Огромное, но при этом ласковое солнышко, прекрасные виды, и, что самое главное, никто не заставляет ворочать веслом — чем не круиз?

У меня как раз появилась возможность поразмыслить над своей участью. Попасть второй раз в армию было не очень приятно, осо-

бенно настораживали мутные перспективы. Но при этом переход на вольные хлеба не рассматривался вообще. Пока меня будут бесплатно кормить и направлять, необходимо как минимум выучить местный язык и осмотреться. Книжные аналоги «попаданческого» успеха не рассматривались изначально. Вот скажите, зачем местным жителям паровой двигатель, если можно запряхать таких «рыбок»? Как выяснилось впоследствии, их даже кормить не нужно. Конечно, можно придумать порох и стать самым... востребованным подопытным крысаком, из которого сильные мира сего будут тянуть секреты вместе с жилами. Честно говоря, даже стало как-то легче, что я понятия не имею, как его делать, этот порох. Нет, про серу, селитру и уголь я знаю, ну а дальше-то что?

Как-то вдруг навалилась привычная всем учащимся и армейским служащим апатия — все, что нужно делать, скажут, накормят и нужным словам научат. В последнее время подобную атмосферу пытаются создать те, кто продвигает так называемую корпоративную культуру. В итоге получается послушное стадо. Неприятно? Конечно, но в моей ситуации это пока наилучший вариант. Или подобные слова говорит себе каждый «рачок» офисного планктона?

Речное путешествие продолжалось два дня. За это время мы делали ровно три остановки — две в середине дня на полчаса, пока наши «буксиры» резвились в воде, явно занимаясь рыбалкой, а в третий раз мы встали на ночевку у очередного форта.

Вокруг по-прежнему тянулись к небу вековые деревья бескрайнего леса. Впрочем, насколько он был бескрайним, с реки не просматривалось. Время от времени на берегах появлялись селения, похожие на то, в котором начался мой путь по этому миру. И чем дальше вниз по течению, тем чаще встречалось человеческое жильё и больше становились сами поселения.

Приближение к цели нашего путешествия ознаменовалось оживлением на палубе и чуть более суетной, чем обычно, беготней матросов.

Еще до полудня дракар начал отклоняться к берегу. А после небольшого изгиба реки все вдруг изменилось. Казалось, заросли испуганно отпрянули, словно спасаясь от выбравшейся из воды угрозы. В принципе так оно и было — большие людские поселения плохие соседи для дикого леса. Поля и огороды уверенно наступали на деревья, чувствуя за собой силу раскинувшейся на берегу громады.

Город вырастал в моих глазах как появившийся из ниоткуда кусочек сказки. Для поселения люди облюбовали высокий холм. Деревянные терема и украшенные резьбой избы спускались прямо к реке, где раскинулась огромная пристань. Все это богатство защищала бревенчатая стена с башнями и бойницами. Сначала я не мог понять, что меня настораживает, а затем осознал, что не вижу церковей. Возле порта виднелось большое здание с крестом, но не православной архитектуры.

Так, похоже, если христианство здесь и есть, то оно явно не доминирует. А тот златоусый столб в месте моего «приземления» был не кто иной, как Перун. Не то чтобы я был ярым христианином — в моем понимании Бог един, как его ни назови, — но православие было как-то привычнее. Впрочем, со своими правилами в чужой монастырь лезть как минимум глупо, а как максимум опасно.

Доселе не особо людная река покрылась разномастным скоплением лодок и стругов, явно промышлявших рыбной ловлей. Увидев наше судно, рыбаки взялись за весла, и лодки разбежались по воде, как водомерки, освобождая нам путь. Их поведение было вполне объяснимым, никто не хотел встречаться с нашими «буксирами», которые могли не только порвать сети, но и перевернуть саму лодку. Впрочем, особого переполоха не наблюдалось. За кормой нашей ладьи уже через несколько секунд все возвращалось на круги своя.

По команде купца «птиц» ускорил наши «буксиры», а затем канаты неожиданно ослабли. Пользуясь инерцией, кормчий лихо причалил к одному из деревянных пирсов. На берег полетели сначала концы, а затем попрыгали матросы, плотно закрепившие судно у причала. Сопровождавший новобранцев воин тут же начал сгонять нас на берег, но я все же успел заметить, как сгорбившийся от напряжения «птиц» провожает взглядом водные буруны, направившиеся к огороженному деревянными решетками участку прибрежных вод. Что ж, вполне естественно, никто не станет давать свободу подводным монстрам вблизи большого города. У дальнего форта подобными мерами безопасности не заморачивались.

Город был прекрасен, особенно в глазах «отравленного» «квадратно-гнездовой» архитектурой человека. Не знаю, насколько хорошо здесь поставлена пожарная служба, но почти все дома выглядели очень старыми, однако отнюдь не ветхими. Уже пройденная нами стена солидно поблескивала боками уложенных горизонтально толстенных бревен мореного дуба, а наличники и торцы бревен в избах встречали гостей резьбой, потемневшей от времени, но не ставшей от этого менее красивой. О термах и говорить нечего — настоящие произведения искусства. И конечно же самым красивым был дворец местного владыки. Правда, близко к нему мы не подходили, но впечатлений хватало, даже если рассматривать все это резное великолепие издали.

Вопреки ожиданию, пыли в городе не было, да и грязь в случае дождя вряд ли появится. Все улицы были любовно выложены деревянным брусом, а обочины, как плиткой, устланы такими же деревянными плахами.

Ну не город, а картинка!

Конечно, в округе хватало бедных и перекошенных домов, но они оставались за городской стеной.

Может, по местным меркам город и являлся крупным, но вряд ли вмещал больше пятидесяти тысяч жителей, так что наша прогулка надолго не затянулась.

Пограничник отконвоировал нас к местным казармам и сдал с рук на руки своему городскому коллеге. Мою персону он выделил особо, и не только словами, но и бумажным свитком. Местный воин тут же отделил меня от новобранцев и повел в отдельную казарму.

В небольшом помещении с двумя десятками нар расположилась довольно колоритная компания: двое арабов, четыре человека совершенно дикого вида и даже один мулат. Интересное дело, похоже, «волшебных» колодцев в свое время работало достаточно много, но почему тогда история умалчивает о таких интересных фактах земной истории? С другой стороны, какой правитель станет орать на весь белый свет о подобном шикарном бонусе?

Как и следовало ожидать, разговор с новыми сослуживцами не заладился изначально. Арабы болтали о чем-то непонятно своем, одетые в шкуры дикари о своем, а мы с мулатом молчали в тряпочку. Такая постановка вопроса явно не могла устраивать наше начальство, и положение начало исправляться следующим же утром.

После завтрака и пробежки вокруг обширной площадки казарменного комплекса наш «десяток» численностью всего семь человек направился в отдельное помещение, где нас ждал писарь. Компанию ему составлял «птиц», удобно уместившийся на жердочке перед рядами длинных лавок. Мы чинно заняли свои места, и «урок» начался. Похоже, залетные новобранцы попадают сюда достаточно часто, так что процесс был налажен до автоматизма. Писарь громко произносил слово, а «птиц» «транслировал» пакеты образов, объясняющих значение этого слова. Кстати, на самом деле этих существ называли хорохами, но это стало мне известно значительно позже.

Процесс обучения пошел достаточно быстро. Не скажу, что я тут на изучение языков, но успехи поражали. Буквально на следующий день мне удалось понять основные приказы командиров. Впрочем, разнообразием лексики не страдала даже армия моей эпохи, особенно в пехоте, что уж говорить о средневековой войске.

Судя по учебной программе, я представлял для местного армейского начальства особую ценность — после общих уроков писарь оставлял меня на дополнительные занятия. Это предположение подтверждали подслушанные на плацу разговоры. Оказывается, новобранцы из соседней Богши отправились служить на седмицу раньше срока, и виной тому был я.

Во время отдельных занятий писарь на пару с «птицем» втолковывал мне дополнительные слова, аналог которых я уже изучил на старославянском. Я оказался прав — в королевстве Брадар, что переводилось как «барство», использовался суржик двух языков: старо-

славянского и кельтского, точнее, того, во что в этом мире превратилась смесь нескольких языков так называемой кельтской группы.

Наравне с основной формой государственного языка в ходу были две версии с уклоном в одну и в другую сторону, но чистых языков предков уже не осталось. Моим коллегам по «немоте» преподавали славянское наречие, а меня обучали основному языку, который использовали в столице государства. Увы, историю подобного политического казуса я пока выяснить не сумел — выученных слов было очень мало.

Словарный запас постепенно расширялся, что позволяло увеличивать поток воспринимаемой информации. Познавать новый мир было очень увлекательно, все поражало новизной и необычностью. Сожаление по утраченной родине с ее автомобилями, компьютерами и «резиновой» пищей постепенно таяло, как снег под солнцем.

Через несколько дней занятия с писарем и «птицем»-хорохом я полюбил еще больше, потому что все остальное время мы занимались физической подготовкой. Десятники княжеской дружины — именно так называлось местное воинское подразделение — гоняли нас до потери сознания. Писарь даже пожаловался, что ученики спят на занятиях, тогда эти изуверы «сжалились» над нами — занятия перенесли на утро, а уже после обеда нас доводили до обмороков. От мысли, что мне придется корячиться так еще несколько лет, становилось плохо. Впрочем, простая, но здоровая пища, чистый воздух и физические нагрузки начали быстро приводить мое тело в необходимую для такой жизни форму, что вызывало непонятную для меня злобу инструкторов. Никакими боевыми упражнениями мы не занимались — только бег, подтягивание и подъем тяжестей. Не было даже гимнастики. Похоже, все это еще впереди, но, как оказалось, не для меня.

На шестой день пребывания в княжеской столице меня вызвали «на ковер» к начальству. Поход в деревянный дворец принес мне массу впечатлений от красот резного, ткацкого и кузнечного творчества. В огромном здании находились только нарядно одетые люди — начиная с прислуги и заканчивая приближенными князя. Сам князь принимал меня в большой светлице с целыми витражами вместо обычных окон. И богатый интерьер, и наряды придворных напоминали мне исторические картины и в то же время являлись чем-то совершенно другим.

Кроме вполне естественно смотревшихся у резного кресла князя придворных рядом с правителем находился «птиц». Этот представитель неведомого мне народа выглядел намного презентабельнее всех, кого я видел раньше. Его накидка сверкала всеми цветами радуги, а кожа выглядела здоровой и ухоженной, как и будто лакированный клюв.

Сам князь сильно выделялся из общей картины своего двора. Он имел длинные черные волосы, прижатые к голове серебряным обру-

чем. Черты лица говорили о большой примеси чужой, не славянской крови. Но секреты генеалогического древа меня не волновали. Большой интерес вызвала накладка на левом виске князя. Часть сложного орнамента выбивалась из-под прически и наверняка тянулась к скрытому волосами уху. Примечательно, что среди княжеской свиты только двое имели похожее украшение на виске.

— Я князь Ратибор Драганович рода Вепря. Ты меня понимаешь?

К этому времени мой багаж брадарских слов значительно возрос, и я понимал практически все, что говорил князь. Тем более, проникшись ситуацией, он говорил медленно и отчетливо.

— Да, княже, понимаю, — поклонился я князю, как показывал писарь.

— Хорошо, вой, значит, пришло время отправлять тебя дальше. Если на то будет воля богов. Фумик, осмотри его.

Рослый хорох, макушка которого достигала груди взрослого человека, подошел ко мне. Возникший словно из воздуха служка поставил рядом табуретку, на которую «птиц» и взгромоздился. Тонкие пальцы существа, увенчанные крохотными коготками, потянулись к моим вискам. Мне с трудом удалось подавить желание отшатнуться.

Прикосновение хороха не вызвало отвращения, как и других неприятных ощущений. Глаза существа закатились, словно он вот-вот упадет в обморок, но внезапно Фумик легко соскочил со скамейки и засеменял к князю.

— Он поводырь. Силу не знаю, — чуть картавя, запищал хорох.

Слово «поводырь» было мне знакомо. Именно с него начались мои дополнительные занятия с писарем, но ни мой учитель, ни соседи по казарме не могли толком объяснить, что это значит. Все сводилось к тому, что так называют людей, водящих за собой чудовищ.

Не скажу, что эта новость меня обрадовала.

— Ты владеешь великим даром и прославишь своих родичей, — как-то со значением произнес князь.

— У меня нет здесь родичей, княже, — начиная догадываться, о чем идет речь, ответил я.

— Это плохо, когда за тобой не стоит род.

— Плохо. — Мое сожаление было вполне искренним.

— Хочешь стать одним из Вепрей? — Князь говорил просто и доходчиво, как разговаривают с ребенком, но, с другой стороны, более замысловатая речь могла оказаться для меня непонятной.

— А кто такие Вепри?

Князь чуть напрягся, но быстро понял, что издевки в моем вопросе не было.

— В княжестве есть Вепри, Рыси и Медведи. Все мои родичи являются Вепрями, — пояснил князь.

— Что мне нужно делать?

— Тебе? — удивился князь. — Ничего. Быть хорошим Вепрем.

На этом наш разговор и закончился. Я ожидал каких-то церемоний, но все прошло совершенно буднично. Седой как лунь старик нанес мне на правое предплечье довольно красивую татуировку чем-то рассерженного дикого кабана, на этом все и закончилось.

Подоплеку действий князя пояснил мне писарь Вторак, и сделал это уже на второй день нашего совместного путешествия к столице объединенного королевства. Все дело в том, что роду Вепрей принадлежала половина города: и нищие, и сам князь. Так что преференций татуировка не давала никаких. Зато в столице королевства будут знать, что новый поводьрь принадлежит к провинциальному роду.

В общем, меня использовали. Хотя повода для расстройств не было — я легализовался в этом мире и, возможно, получу помощь от столичных Вепрей, если, конечно, они там есть.

Судно, которое должно было отвезти меня в столицу, пришлось ждать трое суток. За это время удалось не только получить родовую татуировку, но и прилично отдохнуть, а также завести интрижку со смешливой служанкой. Увы, заигрывания заняли значительно больше времени, чем сам роман.

Утром последнего дня моего пребывания в княжеской столице учитель брадарского языка исполнил роль будильника и поднял меня с постели ни свет ни заря. Всемила во сне сбросила с себя одеяло, поэтому ворвавшийся в выделенную мне комнату писарь сразу отвернулся и густо покраснел. У Всемилы было на что посмотреть. Девушка полностью отвечала данному ей родителям имени — «любимая всеми».

Прости, дорогая, но наш роман был очень мимолетным. Чмокнув девушку в щеку, я начал быстро одеваться. Княжеский тиун выдал мне обновку в виде удобных кожаных сапог, синих суконных порток и светло-синего полукафтана с простой вышивкой. Имелась также красная рубаха из чего-то очень похожего на шелк — не факт, что в этом мире были тутовые шелкопряды, — но я оставил ее в вещевом мешке, а надел подаренную Богшей. Хоть и не такую презентабельную, зато в ней чувствовалось тепло любящих рук. Кстати, за все время пребывания в этом мире меня не укусила ни одна блоха, как и другие кровопийцы. Непонятно, но очень приятно. Такое средневековье мне нравилось все больше и больше.

Всемила все же проснулась, и я уже напрягся в ожидании неприятной сцены, но девушка меня удивила. Как была неглиже, совершенно не стесняясь Вторака, она подбежала ко мне и повисла на шее.

— Уезжаешь, любый?

— Да, сладкая моя, уезжаю.

Она чуть нахмурилась, но тут же улыбнулась и подарила мне долгий поцелуй.

— Подожди.

• ЗАЩИТНИК МОНСТРОВ •

ПРОЛОГ

Темные, практически черные стены были покрыты не только затейливыми рельефными изображениями, но и чуть светящимся налетом — картинка не то чтобы особо нереальная, но в повседневной жизни обычному землянину такого не увидеть. Как не увидеть и не менее настораживающего вида растительность, пробивающуюся на свет через стыки между плитами тротуара, и стискивающих каменные колонны колючих лиан.

Стены двух- и трехэтажных домов небольшой улочки были покрыты иероглифами в сочетании со странной вязью, причем в том, что это тоже какая-то письменность, сомнений не оставалось. И если японские иероглифы я узнал сразу, то с опознанием вязи были серьезные проблемы.

Вообще-то обстановка не располагала к занятиям палеографией, но взгляд почему-то постоянно возвращался к этим надписям.

Внезапно по ушам ударил рокочущий звук, тут же молниеносно переросший в оглушающий рев. Раскидав массивные каменные блоки, словно тюки сена, в поле моего зрения появилась жуткая морда абсолютно фантастического монстра.

Все размышления о древних надписях стайкой покинули мою голову, и я, прыгая по поваленным колоннам и рассыпавшимся на груды камней остаткам стен, попытался убежать от кровожадной твари. Это «соревнование» было изначально проигрышным — чудовище оказалось стремительнее любого олимпийского чемпиона, и у меня оставалось лишь пара секунд. Внезапно взгляд зацепился за провал в мостовой, но облепившие края пролома растения да и сама черная дыра не вызывали ни малейшего доверия, поэтому я пробежал мимо, чтобы через секунду почувствовать, как на моих плечах смыкаются огромные челюсти.

— А-а-а!!!

Резкий рывок еще больше раскачал гамак, и меня шмякнуло о доски борта.

Опять эти сны! Самое печальное, что к ним следовало относиться очень внимательно — ведь приснились же мне у костра посреди

брянских лесов мои будущие питомцы из другого мира и даже битва, в которой я заслужил дворянское звание.

Так что над приснившимся следовало поразмыслить. Почему монстр во сне напугал меня меньше развалин и странной растительности вкуче с черным провалом? Меньший страх в отношении зверя был объясним — за прошедший год каких только жутких и до неприличия зубастых морд мне не пришлось созерцать. После не совсем добровольного переселения в мир иной — к счастью, очень даже реальный, а не потусторонний — моя вновь приобретенная профессия обязывала к близкому общению с чудовищами. С одной стороны, для человека, выросшего в семье циркового дрессировщика, в этом нет ничего удивительного, да только рядом с моими новыми подопечными грозные львы и тигры кажутся пугливыми котятками.

В новом мире я нашел и друзей, и врагов, разочаровывался и мечтал, спасал жизни и убивал. Даже успел обзавестись татуировкой на виске, говорящей всем вокруг, что перед ними дворянин — эрл, или боярин, кому как привычнее говорить в этом довольно оригинальном королевстве. Брадар был создан на основе объединения двух народов — кельтов и славян, отсюда и некоторые языковые, а также поведенческие нюансы.

Наряду с везением были и неудачи. За спасение принца меня сделали дворянином, но во время не такой уж долгой войны я потерял четырех о́ни — магически выведенных существ необычайной силы и очень жуткой наружности. И вот теперь мне как дворянину пришлось искать себе нового питомца, причем самостоятельно, потому что забота бывших коллег из корпуса поводырей мне не светит. И чтобы заполучить нового питомца за приемлемые деньги, придется поближе познакомиться с островом Хоккайдо — бывшим жилищем японских переселенцев и их компаньонов яхнов. Все бы ничего, но пару сотен лет назад маги-яхны что-то там намудрили, и теперь Хоккайдо представляет собой одну сплошную магическую ловушку, населенную одичавшими о́ни. Нихонская столица погибла моментально, и в ее останках все еще скрывались несметные сокровища, за которые безумцы со всего континента платили своими жизнями.

Меня сокровища особо не интересовали, но если кроме яйца того же хидоя или на крайний случай ковая удастся раздобыть защитный амулет яхнов, будет очень неплохо.

Насколько реальными были мои планы, я узнаю только через два дня, когда этот проклятый всеми богами кораблик доберется до острова. Новый мир открыл во мне много нового — оказалось, что я способен силой мысли управлять магическими животными, а кроме того, абсолютно не переносю качки. Что поделаешь, у всего есть обратная сторона и, получив большую плюшку, следует внимательно оглядываться в ожидании серьезной оплеухи, которой затейница-судьба уравнивает положение вещей во вселенной.

Глава 1 МАРОДЕР

Увы, ясность с моим делом не пришла, даже когда корабль добрался до острова, не пришла она и на следующий день.

Хоккайдо встретил меня хоть и фантазмагорическими, но прекрасными видами, новыми открытиями и кучей проблем. Люди так и не рискнули обосноваться в порту единственного большого города на острове. В хорошо защищенной от штормов бухте образовался плавучий остров из нескольких разнокалиберных судов, намертво скрепленных друг с другом. Эдакий «Остров погибших кораблей». Наше судно причалило к импровизированному пирсу, который когда-то был длинной, низко сидящей галерой. Я наконец-то ступил на твердую поверхность, если можно так сказать. Благодаря огромной массе Корабельный Остров — именно так называлось обиталище мародеров — можно было назвать незыблемой твердью.

Честно говоря, в первый момент я растерялся — мало того что не имел ни малейшего понятия о порядках на Острове, так еще и встречающие новичков подозрительные личности, рассмотрев мою татуировку, шарахнулись в стороны, как от чумного. Впрочем, возможно, это и к лучшему.

Преодолев невольный приступ нерешительности, я перешел к действиям.

— Эй ты!

Серебряная монетка мелькнула в воздухе и исчезла в кулаке рабочего пристани, который моментально превратился в самое радужное существо на свете.

— Слушаю, благородный эрл, — откликнулся рабочий на брадарском языке, хотя и с аравийским акцентом.

Хм, они еще и в дворянских татуировках разбираются...

Я еще раз осмотрелся — после войны у меня сложилось предвзятое отношение к арабам, но все остальные посетители галеры-пристани вызывали еще меньше доверия, если оно вообще было возможно.

— Проводи меня в ближайшую таверну с комнатами для приезжих и отпросись у начальства на пару мер времени.

Процесс «отпрашивания» занял не больше секунды. Моя монета перекечевала в руки старшего на пристани. Рабочий не особо расстраивался, потому что вполне справедливо предполагал, что сумеет заработать еще. Причем серебро здесь явно никого не удивляло, а это плохо.

Если бы где-то имелся план Острова, то на нем четкими линиями были бы нанесены лишь две главные улицы: Якорная и Канатная. Улицы тянулись как минимум на километр каждая и размещались

перпендикулярно друг к другу. Но это только на плане. В реальности передвигаться по этим «проспектам» приходилось как по джунглям. Палубы кораблей находились на разных уровнях, а сами суда не всегда соприкасались друг с другом бортами и имели навесные переходы. И чем дальше от центра, тем мельче становились суда-понтонеры, доходя до скрепленных гнилыми канатами лодок и плотиков. С другой стороны, по такому поселению никто не собирался ездить верхом или в карете, а пешеходам и так все нравилось.

Сам бы я в этой мешанине мостиков, канатных лестниц и палуб, размещенных под разными углами наклона, заблудился моментально, так что идея с проводником оказалась очень разумной.

Самым респектабельным местом на Острове была таверна «Пьяный краб». Хотя, судя по вывеске, краб был скорее вареным, чем пьяным, но это уже нюансы. «Краб» когда-то был довольно большим военным судном, явно нихонской постройки. Шикарное оформление предопределило судьбу навсегда лишённого возможности бороздить океанские просторы корабля, и он стал не жильем для мародеров, а гостиницей для богатых искателей неприятностей на свою пятую точку. Именно за такого идиота меня и принял рабочий пристани по имени Малик.

Обширный трюм корабля имел дощатый пол, на котором разместились полтора десятка больших столов. Барная стойка находилась в противоположном от входа конце вытянутого помещения. Все это благолепие освещали пара магических светильников и жировые лампы.

Сидящие за столами люди и все те, кого мы с Маликом встретили по пути в таверну, имели довольно колоритный вид. Честно говоря, я ожидал встретить на Хоккайдо либо эдаких сталкеров, или в крайнем случае пиратов, но увидел соединение крайностей — часть мародеров напоминали восточных богатеев, а часть — откровенных бомжей. Причем никаких мерзких запахов и зачуханного вида не было — казалось, что тусклое тряпье на этих людях имело свой сокровенный смысл.

Я был одет в стилизованный под наряд королевских звероловов кожаный костюм и сильно выделялся на общем фоне. Несколько откровенно враждебных взглядов подтверждали предположение о том, что я не в «тренде».

Ладно, с этим разберемся позже, а сейчас — информация.

По завету графа Калиостро, лучше всего иметь дело с тем, кому от тебя ничего не нужно, ну кроме вознаграждения. Малик выглядел достаточно незаинтересованным, хотя его чуть узкоглазое лицо с изрядной примесью аравийской крови напоминало мне погибшего от моей руки Неждана. Царство ему небесное, пусть он и был убийцей и предателем.

— Закажи пива и чего-нибудь поесть, — осмотревшись, сказал я Малику и направился к ближайшему свободному столику.

Немного утолив жажду и голод принесенной Маликом запеченной рыбой, я перешел к расспросам:

— Малик, мне нужно купить яйцо óни. Знаешь, что это такое?

— Конечно, — отмахнулся юноша, — здесь все знают, кто такие чудовища и их яйца. Этим и живем.

— Ты так говоришь, будто сам ходишь на берег...

— Нет, — без малейшего смущения ответил Малик. — Страшно. Назад возвращается один из десяти. Когда-нибудь, конечно, пойду, а пока мне и на пристани неплохо. Мародеры после рейдов хорошо гуляют, так что мой хозяин без риска богатеет сам и хорошо платит своим людям.

— Так что там насчет яиц?

— Все торговцы с материка идут либо к Билялу по прозвищу Палка, либо к Мазиду Три Пальца.

— Это все?

— Нет, конечно, Остров большой, и торговцев много, но остальные просто не стоят вашего внимания.

— И то, что они оба — аравийцы, не имеет ни малейшего значения? — хмыкнул я. — Кстати, кто из них твой хозяин?

— Билял, — чуть смутившись, сказал Малик. Посмотрев на меня, он понял, что если хочет получить достойное вознаграждение, то стоит быть откровеннее. — Есть еще Светозар Кривой, также можно попробовать купить яйца у самих мародеров. Только это без гарантии. Торговцы проверяют товар у мага и только после этого перепродают.

— У вас здесь и маг есть? — удивился я.

— Да, Мазид, — нехотя сказал мой информатор и тут же добавил: — Но на цену это не влияет. У моего хозяина можно купить даже дешевле.

Пока я переваривал информацию, Малик доел рыбу и всем своим видом показывал, что ему мало. В полупустой кувшин он заглянул с не меньшей тоской, но получил деньги только на еду.

По большому счету самую важную информацию из того, что знал сам, он уже выдал, а судя по появившейся неуверенности в его повествовании, в делах закрытой касты мародеров парень не сильно-то и разбирался.

Послушав его еще минут двадцать, я наградил Малика золотой монетой и отправил восвояси, а сам направился к стойке трактира проверять услышанное. Похожий на медведя хозяин заведения и по совместительству бармен в основном подтвердил услышанное мной, только добавил, что хозяин Малика — жадная крыса и богатеет только потому, что перепродает артефакты и яйца óни родичам в аравийском эмирате. Верить этому разоблачению или нет — покажет время,

а пока мне хотелось нормально выспаться на кровати, а не в качающемся гамаке.

В насквозь пропитанном солеными брызгами заведении и порядки были морскими, так что за комнату не с гамаком, а с обычной кроватью мне пришлось даже доплачивать. Гостиничная часть таверны находилась на соседнем судне — довольно шикарном «пассажире». Мне досталась довольно обширная для корабельной каюты комната с кроватью, столом и даже платяным шкафом, вдобавок к двум сундукам. Вещей у меня было немного, так что в сундук отправился лишь рюкзак с вещами. Наплечная сумка с деньгами легла под подушку, а разобранная нагината, как верная подруга, расположилась рядом на постели.

Как я и подозревал, следующий день особой ясности не внес. Поход по торговцам закончился разочарованием — цены кусались и были не намного меньше, чем у поставщиков, доставляющих яйца королевским поводырям в Ониборг. Трех тысяч золотых за яйцо ковая у меня не было. Насчет хах-ковая или хидоя я даже не спрашивал. Так что пришлось перейти к неприятной части плана — вылазке на остров, и с этим все было очень непросто. Нет, отправиться в порт Хоккайдо можно в любую минуту, просто заплатив пару серебрушек лодочнику, но что-то мне подсказывало, что проживу я там ровно до второго взмаха весел уплывающего обратно транспорта. Поэтому нужны связи с теми, кого здесь вполне заслуженно называют мародерами — местный вариант сталкеров, хотя как раз это слово им подходило меньше всего, потому что выслеживают и преследуют как раз их самих. Делают это магические животные о́ни, а на что способны эти «миленькие» зверушки, я знал не понаслышке.

Увы, ни этот день, ни следующий ясности так и не принесли. В сбивающиеся из новичков группы мародеров меня принимали с распростертыми объятиями, но вот как раз ширина этих объятий и смущала. По словам того же Малика, процент смертности у таких новобранцев был просто невообразимым — из сотни новичков выживали единицы. Но эти единицы возвращались домой относительно богатыми, поэтому год за годом государства континента от диких лесных жителей до арабов и брадарцев исправно пополняли ряды смертников.

Вокруг этого буйства смерти кормилось множество стервятников: торговцы яйцами и артефактами, содержатели таверн и рекрутеры, встречавшие новичков еще на пристани и распределявшие их по командам мародеров. Именно с ними я и общался, пытаюсь нащупать самый безопасный вариант получения яйца с минимальной ценой и с максимальной безопасностью для себя. Серьезных рекрутеров, в отличие от всякой шушеры на пристани, моя дворянская татуировка совершенно не смущала — похоже, богатеньких искателей приключений здесь хватало. Возможно, заинтересовал статус поводыря и за-

датки укротителя, но раскрываться перед этими стервятниками я не собирался, а вот с главами поисковых партий меня соглашались познакомиться только после подписания договора — чистой воды продажакота в мешке.

Что ж, зайдем с другой стороны.

— Граннус, — обратился я к медведеобразному владельцу таверны, скучавшему за стойкой по причине утреннего отсутствия клиентов, — вот ты — человек опытный и наверняка много знаешь...

В ответ на грубую лесть бородатый кельт только хмыкнул:

— Так-то оно так, но даже мне известно не все. Мародеры — закрытая каста, и за вход в нее приходится платить риском. Лишь тот, кто хоть раз ступал на Черный Пирс, начинает получать информацию от *капитанов*. — Последнее слово Граннус произнес со значением и, чтобы было понятно даже самому тупому гостю, добавил: — Но даже то, что известно мне, дорого стоит.

Теперь уже я хмыкнул и катнул по столешнице один из золотых кругляшей, которых, кстати, в моем кошельке осталось не так уж много.

— И кто же эти капитаны? Что-то я не видел здесь самостоятельно плавающих кораблей.

— Капитаны — это те, кто водит команды в город. Только у них есть «лоции». — Граннус вновь выразительно шевельнул бровями.

— Только не надо корчить загадочные гримасы. Для тебя есть еще один золотой, который ты не получишь, если я не услышу чего-то интересного. Не нравится такая цена — можешь продать свой рассказ кому-нибудь другому. И мне кажется, что такой идиот здесь только один и у него уже заканчивается терпение.

— Хорошо, — шумно вздохнул кабатчик. — Первыми на остров высадились пираты. Отсюда и морская тематика. Капитаны водят команды в город и обмениваются между собой информацией, которую заносят в «лоции».

— Как встретиться с капитаном?

— Только через рекрутеров.

— Не вариант, уже пробовал. А есть кто-то доступный, но знающий хоть немного больше тебя?

— Всех, кто идет в первый раз, называют «рыбой». Выжившие переходят в «матросы». Можешь найти такого, но там все строго, и они будут молчать.

Граннус выдал театральный вздох.

— Может, все-таки без прелюдий?

— Хорошо, — трактирщик стал абсолютно серьезен. — Десять золотых.

— Пять — и поверь мне, это лучше чем ничего.

— Семь.

— Шесть.

— Ладно, — кивнул кабатчик и тут же дернул подбородком, указывая в глубь зала. — За дальним столом сидит араб. Его зовут Али.

— Просто Али? Арабы обычно более велеречивы.

— Просто Али, и не советую спрашивать больше. Были уже любопытные, а теперь их нет, — загадочно улыбнулся Граннус.

— Ладно, родовое имя этого человека меня интересует меньше всего. Почему именно он?

— Али появился здесь около года назад. Как и ты, он задавал много вопросов, но, в отличие от тебя, нашел подход к одному из капитанов. Не знаю, что там было, но Ибрахим по прозвищу Золотой сразу сделал его своим «матросом». Возможно, потому, что они земляки, возможно, за какие-то другие заслуги, но в первый свой выход Али пошел не в качестве смертника-«рыбы».

— Тогда почему он сейчас квасит в твоём гадючнике, а не купается в золоте?

— Из того выхода Ибрахим вернулся с половиной «матросов» и совсем без добычи. Про «рыб» и говорить нечего, все остались там.

— Ты считаешь, что Али виноват в неудаче Ибрахима?

— Точно не знаю, но люди Золотого пытались его убить, да только у них нечего не получилось. Али сумел отбиться от убийц, он еще добрался до капитана и, приставив нож к горлу, заставил дать клятву примирения. А как ты сам знаешь, арабы клятв именем своего бога не нарушают.

Я этого не знал, но все же кивнул. Возможно, и на Земле арабы тоже такие честные, но что-то подобный факт не стал притчей во языцех. Наверное, в этом мире что-то заставило этот народ чтить клятвы с особым рвением.

— Теперь Али стал изгоем, и никто не хочет иметь с ним дел, так что у тебя есть шанс. — Кабатчик сделал загадочное лицо, показывая, что оплаченный разговор закончен.

— Эта информация не стоит шести золотых. Максимум четыре, — с легким раздражением сказал я, чувствуя, что кабатчик припас некий козырь.

— Поговаривают, что Али — поводырь. — Эту фразу Граннус произнес буквально шепотом. — Так же, как и ты.

— Дай угадаю, — хмыкнул я, — ты узнал об этом по едва уловимым признакам в лице и походке?

Трактирщик торжественно улыбнулся.

— Или просто он, как и я, начал расспросы с цен на яйца бони?

Граннус поскуцнел, но улыбка вернулась на его лицо, как только на столе заблестели золотые гривны.

Прихватив кувшин вина из водорослей, я направился в дальний конец зала-трюма.

— Уважаемый вой говорит на брадарском? — спросил я, хотя перед этим узнал все, что нужно, у кабатчика.

— Говорит, — раздраженно ответил араб в дорогом, но изрядно потрепанном наряде аравийского стиля. В нем он был чем-то похож на Синдбада Морехода из мультика. Постаревшего, спившегося, абсолютно лысого Синдбада. Судя по гримасе араба, он сразу хотел отшить меня, но взгляд алкоголика наткнулся на кувшин. — Присаживайся, если тебе есть чем утолить мою жажду.

По-брадарски Али говорил чисто и практически не ошибался даже в построении предложений. Только легкий акцент выдавал то, что это не его родной язык. К тому же в чертах его лица явно чувствовалась славянская примесь. Так же сразу определялась арабская примесь в крови Неждана. Воспоминания о юноше, который предал меня и умер от моего клинка, отдавали горечью, поэтому я тут же прогнал их, дабы не испортить дело неприятными ассоциациями.

Первую кружку местного пойла он выпил одним залпом, а это без малого два литра. Я уже обеспокоился, что разговора не получится, но, наполнив вторую кружку, Али лишь отхлебнул из нее.

— Чего надо? — без пресловутого арабского вступления спросил он.

— Информацию.

— И почему ты решил, что я буду откровенничать с тобой всего за кружку этой бурды?

— За кружку не будешь, — спокойно сказал я и тут же добавил, предвосхищая слова, готовые слететь с губ собеседника: — И за деньги тоже, потому что жизнь за золото не купишь.

— И что же ценнее золота ты можешь предложить?

— Яйцо бни. — После этих слов араб дернулся, словно от удара; пользуясь паузой, я продолжил говорить, чтобы не дать ему разозлиться: — Я знаю, что такое остаться без питомца, и не пожелаю этого даже врагу. Помоги мне — и ты поможешь себе. Мне не нужны тайны капитанов, а всего лишь подход к одному из них и информация о том, как они могут меня кинуть.

— Боюсь, в этом и состоит главная тайна капитанов, — вздохнул Али, выпуская набранный для гневной отповеди воздух. — Все, кто идет с капитаном в выход, своими телами лишь прокладывают ему путь к сокровищам. И это касается не только «рыб», но и «матросов». Я сведу тебя с Золотым. Но предупреждаю сразу, Ибрахим меня на дух не переносит. Так что может послать прямо с порога. Что касается совета, то тебе следует стать тем, кем капитан пожертвует в последнюю очередь. Кстати, шанс у тебя есть, но если ты вздумаешь обмануть меня с яйцом...

Видя, как в глазах араба разгорается безумие, я поспешил его успокоить:

— Первое яйцо мне, а второе тебе.

— Хорошо, — успокоился мой собеседник. Возможно, пообещай я ему первую добычу, он бы не поверил.

Али с тоской посмотрел на едва ополовиненный кувшин и с натугой начал вставать.

— Подожди, — остановил я араба, — еще мне нужно знать, что случилось с тобой на берегу.

— Обойдешься! — зло каркнул он.

— Не обойдусь. Я ведь не спрашиваю, как нечистокровный аравиец стал поводырем. И не спрашиваю, за что тебя изгнали из страны. Мне это неинтересно, но про все, что может случиться на берегу, хочу узнать отнюдь не из простого любопытства.

Али плюхнулся обратно на лавку и некоторое время сверлил меня взглядом, но затем все же заговорил:

— Мои учителя не говорили, что такое может быть, но как только мы добрались до логова стаи коваев и я попытался войти с ними в контакт, звери словно взбесились. В одну секунду мне удалось почуять всех зверей на полет стрелы, а они почуяли меня.

— Тогда есть ли смысл соваться туда с нашими способностями? — поскучнел я.

— Есть, — тут же вскинулся Али. Похоже, он уже успел зажечь в себе надежду. — На берег ходили поводыри, и не раз. Потому-то Золотой ухватился за мое предложение, но, увы, он нарвался на ущербного поводыря. Сам того не ожидая, я вдруг стал приманкой для целой стаи диких коваев и манил их, словно огонь мотыльков. Это было жутко. Не знаю, смогу ли теперь оседлать даже хах-ковая. Но если не попробую, то точно свихнусь в этой дыре.

— А зачем тебе вообще питомец в этой, как ты сам сказал, дыре? — не удержавшись, спросил я и тут же поправился: — На этот вопрос ты можешь не отвечать.

Но Али все же ответил:

— Может, ты не знаешь, но поводырю всегда найдется место на континенте, даже за пределами Аравии и Брадара. Все, хватит языка чесать, пора делом заняться.

Я не стал спрашивать у Али, как он собирается «активировать» зародыш в яйце без хорохов, — это были его проблемы. Как обученный поводырь, он не мог не знать о таких нюансах, значит, имеет наметки. Впрочем, если все выгорит, подобной лазейкой стоит поинтересоваться.

Капитан Ибрахим по кличке Золотой обитал на аравийской галере, которая сохранила свою восточную помпезность, даже перестав быть «пенительницей морей». Мало того, роскошь расплзлась по всему кораблю, и там, где раньше воняло потом рабов-гребцов, теперь царила пропитанная благовониями атмосфера.

Капитан обитал не в самом трюме, а в главной каюте на корме. Оценить общую обстановку мне удалось потому, что на борт мы попали не обычным путем через проходы в фальшборте, а через проем в борту. Ведущие к галере мостки шли практически над водой и ны-

ряли в облагороженный пролом, который когда-то стал причиной перепрофилирования корабля в плавучий дом.

У пролома нас встретили три араба и после небольшой перепалки все же провели через трюм в каюту капитана.

Суть ругани Али и с ходу накинувшегося на него Золотого я не понял ввиду незнания аравийского языка. Но, поорав друг на друга, они все же перешли на брадарский. Первым это сделал Али.

— Да плевать мне на твои угрозы. Смерти я не боюсь, а на большее ты не способен, как и переступить через клятву, а там было сказано, что я могу прийти в твой дом, если будет это выгодно для тебя.

— Если ты думаешь, что плата дворянчика за самоубийство может быть выгодным делом, то ошибаешься, — со значительно большим аравийским акцентом ответил капитан.

— Он поводиры, — выложил основную карту Али.

— Такой же, как ты? — ехидно хмыкнул Золотой, но зажегшийся в его глазах интерес никак не вязался с иронией в голосе.

— Уверен, ты уже узнал, что мой дар необычен, и если не пригодился тебе, то не значит, что он ущербен, — гордо вскинул голову Али.

Похоже, мой новый соратник еще не окончательно опустился, и в нем остались крохи гордости «владыки óни», как нашего брата называют в Аравии.

— Узнал, — дернул углом рта Золотой, — но не уверен, что готов рискнуть еще раз.

— Ибрахим, — заволновался Али, — ты сам знаешь, что оно того стоит.

От волнения акцент моего коллеги стал заметнее, а дальше два старых соперника вовсе перешли на арабский.

— Уважаемые! — не выдержал я, чувствуя, как накаляется обстановка. — Можно обсуждать мое дело так, чтобы было понятно мне? И вообще, Али, ты свое дело сделал, дальше договариваться буду сам.

Али только развел руками и вышел из каюты.

— О чем ты хочешь договариваться со мной, чужак? — спросил Золотой, усаживаясь на низкий диванчик.

— О добыче.

— Я еще не решил, хочу ли вообще брать тебя с собой.

— Решил, иначе уже давно послал бы подальше и меня и Али. Ты с ним вообще стал говорить только потому, что тебе нужен поводиры. У вас на... западе, — с трудом определился я, еще не привыкнув, что в этом мире арабы населяют не «загадочный восток», а совсем даже наоборот, — любят долгие беседы, а в Брадаре это не принято. Или ты соглашаешься, или мне предстоит разговор с другим капитаном. На тебе свет клином не сошелся.

— Ты дерзок, брадарец.

— Просто не люблю лишних разговоров. Согласен, для вашего брата это похоже на дерзость. Но все же давай поговорим об условиях.

— Я еще ничего не решил, — набычился капитан.

— Решишь без меня. — Мне действительно надоел пустой разговор. Возможно, это было ошибкой, но душная атмосфера в каюте и поведение капитана не располагали к терпению. Да и вообще, говорить стоя с сидящим человеком очень неприятно, но не садиться же на пол или рядом с ним на диване. — Мои условия. Яйцо для меня и яйцо для Али. Хотелось бы хидоя, но пойдет и ковай.

— Почему не хах-ковая? — иронично спросил развалившийся на диване капитан. — Ты представляешь, как трудно пробраться в логово стаи коваев, не говоря уже о гнезде хидоя?

— Не знаю, как для Али, но мне хах-ковай без надобности. А на лежбище здоровяков вы можете сходить и без поводыря. В общем, ты услышал мои условия. Все остальное, что добудем, оставишь себе. Думай до завтрашнего полудня. После этого у нас разговоров не будет вообще. На этом позвольте вас покинуть, и пусть Всевышний наполнит благодатью ваш дом.

С легким и немного ироничным поклоном я покинул каюту.

На мой не такой уж сдержанный характер постепенно накладывалась дворянская спесь. Блин, и когда только успел заразиться снобизмом. А еще ругал за это королевских магов! С другой стороны, с нормальными людьми я по-прежнему вежлив и спокоен, так что вопрос о моей испорченности можно отложить на потом; скажем, до времени, когда появится возможность поговорить о духовном с отцом Дагдой. Воспоминание о том, как я едва не заполучил в личные духовники брадарского кардинала — главу местной христианской церкви, вызвало улыбку и немного улучшило настроение.

— Что, договорились? — От нетерпения у Али начала дергаться щека.

— Думаешь, после ваших воплей он способен договариваться? Нет, я высказал свои условия, а решать он будет, когда остынет.

— Тут так дела не делаются.

Мы уже вышли из трюма галеры и отошли по плавающим мосткам достаточно далеко, чтобы можно было говорить, не опасаясь чужих ушей, и я немного рассказал Али о выводах, на основе которых я и строил стратегию общения с Золотым:

— Али, во-первых, такие, как Ибрахим, воспринимают уступки и уговоры как слабость. Во-вторых, даже если он боится рисковать на берегу, выбора у него все равно нет.

— Ты на Острове всего пару дней, а уже знаешь, что творится в голове у самого непредсказуемого из капитанов? — съязвил Али, но на меня это не подействовало.

— Это простая логика, Али. Ты сам говорил, что Золотой — самый опытный капитан. Значит, чаще всех ходил на берег. Почему же он сейчас не блаженствует в окружении гарема где-нибудь в центре Аравии?

— Ну... — задумался араб, — может, ему здесь нравится.

— Если бы это было так, то он бы стал торговцем, а не капитаном. Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что Золотой хочет отхватить большой куш. Того, что он притащил с берега на данный момент, ему мало. Именно поэтому он и связался с тобой. По этой же причине он согласится на мои условия. Тем более что требую я не так уж много.

— А что ты попросил? — В голосе Али чувствовались любопытство и напряжение.

— По яйцу они для тебя и для меня.

— И все? — удивился араб.

— И все. Мне здесь больше ничего не нужно. Если бы можно было купить яйцо на континенте, я бы вообще не совался на Остров.

— Но на берегу много золота и артефактов. Если ты проведешь их мимо диких они, капитан сможет нагрести огромную кучу сокровищ, а ты... — Али даже задохнулся от возмущения и непонимания.

— А я возьму свое яйцо и уплыву домой, причем сделаю это совершенно спокойно, особенно потому, что не буду претендовать на часть этой кучи. Подумай, Али: если бы тебе было нужно золото, ты бы сейчас грабил купцов на дорогах Аравии или даже Брадара. Но почему-то ты спиваешься от безнадёги в паре полетов стрелы от берега проклятого острова. Реши, что для тебя важнее, и стремись только к этому.

Честно говоря, меня утомили все эти разговоры, поэтому я оставил Али сортировать тараканов в его лысой голове и направился на гостиничный корабль. Теперь от меня ничего не зависело — так что оставалось только есть и спать в ожидании новостей.

Посланник Золотого Ибрахима явился в обеденный зал-трюм «Краба» за десяток минут до того, как в будке на одном из кораблей-понтонных заголосил муэдзин, призывая арабскую часть жителей Острова к полуденному намазу. Время в этом странном поселении измерялось исламскими намазами, хотя арабы составляли едва ли треть общего населения. Но кельты, славяне и прочие народности сочли это удобным и ничего своего придумывать не стали. Благодаря этой системе я даже узнал, что обеденный намаз называется «зухр».

Возможно, Ибрахим думал до последней минуты; возможно, таким образом он что-то хотел мне показать, но после разговора посланнику наверняка пришлось бежать, чтобы вовремя растелить свой молитвенный коврик. Интересно, отправляясь на берег, они тоже молятся или мародерка на Острове Смерти у них считается по-

слаблением? Впрочем, какое мне дело до чужой религии? Важнее было то, что скажет посланник Золотого.

Араб действительно спешил, поэтому говорил быстро, но так чтобы не уронить достоинство перед чужаком:

— Капитан согласился на твои условия. Выходим утром после фаджра, — засим посланник тут же удалился, не оставив мне времени на вопросы.

К счастью, стоящий за стойкой Граннус быстро объяснил, что фаджр — это утренний намаз и он будет длиться до времени, пока солнце не поднимется над морем на высоту копыя.

Вот и думай теперь: копые — это сколько?.. Впрочем, блистать вежливостью королей я не собирался, так что выйду перед рассветом, хотя очень не люблю просыпаться в такую рань.

Тут же встал вопрос, что брать с собой. С одеждой все просто — к месту пришлось кожаный костюм, стилизованный под форму королевского следопыта. Нагината не спасет от диких о́ни и тем более не поможет пройти магические ловушки, но с ней мне спокойнее. Для удобства я прицепил разобранный на трость и меч оружие за спину. Хербаты отправились в ножны на бедрах, а метательные ножи — в кармашки перевязи на груди. Что еще? Может, взять артефактный мини-акваланг, доставшийся мне после истребления отряда подводных наездников акаяси? Кстати, а как насчет яиц акаяси или угреподобные существа мечут икру?

Увы, обычно самые умные вопросы приходят в голову в самое неподходящее время. Но если вернуться с берега живым, обязательно пощипу ответы. А вот золото пришлось брать с собой. Лишняя тяжесть мне ни к чему, но, если владелец гостиничного судна окажется нечист на руку, обратно на континент придется плыть не кораблем, а кролем или брассом.

Утренние завывания муэдзина послужили будильником, и я начал быстро собираться в дорогу. Как и ожидалось, проснуться до рассвета не удалось, а тратить деньги, чтобы заставляя кого-то из obsługi вставать в такую рань и будить постояльца, мне не хотелось. Хватило и луженой глотки правоверного муэдзина.

Несмотря на все старания, по пути к галере Золотого пришлось поплутать, так что к готовящемуся к походу отряду я подоспел в самый последний момент. Но как бы я ни спешил, все же замер, разглядывая это необычайное зрелище. В команде Золотого были только арабы, и многих из них я видел на позавчерашней встрече, но сейчас блиставшие до этого шелком и золотыми деталями одежды франты превратились в бомжей. Притом плохо пахнущих бомжей. Сначала мои глаза увидели три десятка людей, одетых в грязно-серую рванину, а затем нос уловил прилетевшую с утренним бризом вонь.

— И как это понимать? — бросил я вопрос в толпу, не надеясь опознать Ибрахима среди перемазанных грязью лиц.

Капитан откликнулся сам:

— А ты что, думал, что мы пойдем на берег в парче и золоте, под звуки труб и сверкая сталью клинков? Тогда ты еще глупее, чем мне показалось сразу.

По щелчку лишенных каких-либо украшений пальцев капитана один из безликих оборванцев принес мне вонючую накидку и протянул банку с дурно пахнущей мазью. Это одеяние отдаленно напоминало маскировочный «гили», если, конечно, перед кем-то из земных спецназовцев могла встать задача замаскироваться под кучу тряпья.

В чужой монастырь со своим уставом не лезут, поэтому пришлось натягивать на себя это безобразие. Придумавшие подобный наряд люди знали о Хоккайдо и о том, что там творится, несоизмеримо больше меня, так что пришлось смириться.

— Слушай сюда, чужак, — дождавшись, пока я закончу возиться с балахоном, начал инструктаж Золотой. — Тебе следует знать только три главных правила. Если увидишь растопыренную пятерню идущего перед тобой человека, садишься на корточки и даже дышишь через раз. Если тебе укажут пальцем, идешь в этом направлении и делаешь это без возражений. И самое главное, не вздумай бежать, даже если очень захочется. На этом берегу убежать от смерти невозможно, а вот влететь в ловушку — запросто. Теперь о том, что требуется лично от тебя. Если почувствуешь рядом зверя, тут же хлопнешь по спине Сина, он будет идти перед тобой, а затем делаешь все, чтобы зверюга пошла в другую сторону. Остальное уже на месте и по ситуации. Понятно?

— То, что сказал, — понятно, но вот есть вопросы насчет другого...

— А другое тебя не касается, — перебил меня капитан. — Ты выдвинул свои условия, я согласился, так что будет два яйца, а делиться секретами никто не обещал. Все, хватит болтать, так и до полудня засидеться можно.

По команде капитана три десятка мародеров, вытянувшись цепочкой, быстро пошли по отходящим от массива Корабельного Острова плавучим мосткам. В конце ниточки понтонов находилась квадратная плавучая пристань, у которой нас ждали четыре лодки.

Погрузка, как и дальнейшее плавание, проходила в полной тишине. Мне тоже не хотелось разговаривать, потому что казавшаяся до этого далекой опасность рывком приблизилась и только в конце, словно издеваясь, снизила свою скорость до ритма двигающихся весел.

До этого я как-то не особо уделял внимание берегам главной бухты Хоккайдо. Вдалеке виднелись поросшие лесом склоны. В принципе ничего особенного, но теперь взгляд начал выхватывать ранее не замеченные детали.

Бухта врезалась в берег, словно след от удара широкого кинжала. На выходе в океан она вновь сужалась и к тому же была защищена волнорезом, так что даже в самые сильные шторма вода вокруг плавающего острова едва качала тонкие «ниточки» дальних понтонов. Вокруг самой бухты возвышались пологие холмы, покрытые высоким лесом, который теперь показался мне очень уж зловещим. Ветер качал кроны мрачных гигантов. Шум листвы органично вписывался в плеск мелких волн, но в этой гармонии чего-то не хватало. Чего именно — я догадался, лишь когда наши лодки приблизились к дальней части бухты. Лес был безжизненным — в нем не было слышно ни птичьего пения, ни криков мелкой живности вроде обезьян. После катастрофы Хоккайдо действительно стал царством смерти, и выжить здесь могли только совсем уж потусторонние твари.

Восприятие мира рывком сместилось, и я лишний раз напомнил себе, что нужно собраться — местные бни не прошли ни инициации, ни дрессуры. Для них я всего лишь пища, а не поводырь и господин, так что нужно держать ухо востро.

На первый взгляд казалось, что никакого города здесь никогда и не было, но постепенно становились заметны скрытые зарослями стены и соседствовавшие с высокими кронами тонкие башни. Лес пожрал город, но переварить окончательно так и не смог. К тому же по разной окраске древесных крон и целым участкам мертвых — без листвы и с черными стволами — деревьев было видно, что всепоглощающей природе досталась очень ядовитая жертва.

Так, Влад, соберись, шутки закончились.

Громада Черного Пирса надвигалась на нас, как нос ледокола на вмерзшую в лед лодку эскимосов, и казалось, сейчас раздавит наши углые челны. Мрачная слава этого портового сооружения была даже большей, чем у других частей столицы погибшего государства. Возможно, потому что у большинства мародеров выход на мародерку заканчивался именно здесь, и заканчивался не самой легкой смертью. Впрочем, некоторые из погибших могли позавидовать смерти тех, кто зашел дальше.

Едва нос лодки ткнулся в нижнюю площадку пирса, грязные «комки» пассажиров выплеснулись на каменную поверхность, а рулевой зашипел на меня, словно сердитая кошка:

— Пошел отсюда, быстро.

Его больше испуганный, чем сердитый посыл придал мне ускорение, заставив выпрыгнуть из лодки. За спиной тут же послышался плеск весел, работающих в бешеном ритме.

Сразу пришло понимание того, что я как идиот сунулся в опасное место, собрав о нем слишком мало информации, но рассуждать уже поздно. Впереди мелькнула спина, в которой я лишь угадывал моего персонального опекуна, и тут мне в район почек ткнулся жесткий кулак.

Я не стал возмущаться, а шагнул следом за впередиидущим.

Первые полчаса нашего выхода никаких особых впечатлений не принесли, да и не за ними я сюда пришел. Наш отряд двигался вперед, словно мохнатая гусеница, извиваясь по известному только капитану маршруту.

Мы взобрались по каменной лестнице на второй уровень пирса, к которому столетия назад причаливали корабли посolidнее, и двинулись по поросшей вполне обычным мхом дороге в сторону основных строений порта. Уточнение того, что мох на пирсе был обыкновенным, получило свой смысл, когда я увидел мох не совсем обычный. Именно на участке едва светящегося под солнцем химической, а не живой зелены мха я увидел первое тело.

Только теперь до меня начала доходить суть тактики мародерских команд и то, зачем им были нужны неопытные новички — та самая «рыба», которую завлекали рекрутеры капитанов.

В глаза сразу бросились странные колышки с белыми лоскутами, которыми был отмечен наш путь, именно на этом участке и лежал скрючившийся в позе эмбриона человек. Раньше это был безопасный путь, теперь же условно-надежная тропка шла в обход участка со скрючившимся телом.

Это куда же я попал? Читать роман Стругацких и тем более играть в компьютерную игрушку по его мотивам было весело, а вот столкновение с чем-то подобным в жизни оптимизма как-то не вызвало.

Если честно, не самая доблестная часть моей души тут же порадовалась, что для капитана я немного ценнее, чем лежащий на светящемся мхе человек. Такие вот реалии геройских приключений. Окружающее приобрело еще более зловещий вид. Ползущие по остаткам колонн колючие лианы, кажется, даже зашевелились. Или мне кажется?

Короткий крик впереди и то, что я увидел через пару минут, дойдя до места происшествия, доказали, что ничего мне не кажется. Стягивая свои кольца, колючая лиана прижимала к камню уже затихшее тело человека в балахоне. На этом месте мое желание заполучить питомца стало намного меньше, а цена, которую требовали торговцы на острове, уже не казалась такой уж заоблачной.

Дико захотелось увидеть солнце и хоть клочок неба над головой, но мы уже пару минут как нырнули в густые заросли практически экваториальных джунглей. О том, что вокруг расстилается огромный город, говорили лишь углы зданий, частично вырвавшиеся из удушливых объятий агрессивной флоры.

Изматывающий своей монотонностью и безнадежностью марш закончился ближе к полудню. К этому времени отряд потерял четверых и двигался вперед со скоростью улитки.

Внезапно раскачивающаяся передом мной спина скользнула вниз, я лишь успел заметить растопыренную пятерню. Ноги подогнулись сами собой. Так страшно мне не было даже во время сделавшей меня дворянином атаки на холм с окруженным врагами принцем. Впереди элита арабского войска, подо мной плохо управляемый и, самое главное, трофейный хидой, а вот страха не было. Теперь же это мерзкое чувство проникало липкими щупальцами в самую душу.

Человеческий голос прозвучал как глас с небес.

— Привал, — прошептал мой поводырь. — Сядь на этот камень и жди.

Похоже, это место считалось более или менее безопасным. Весь отряд сначала сгрудился на небольшой площадке пред облепленным лианами трехэтажным домом, а затем после тихой команды распался на несколько групп. Часть осталась рядом со мной, а три группы по четыре человека нырнули в дом. Ко мне подошел безликий мародер, который обрел идентификацию только после того, как подал голос:

— Отдыхай, чужак. Пока мы собираем то, что оставили нам жители этого дома. Сюда я и собирался идти до твоего появления. Теперь же мы пойдем дальше, к логову коваев.

— Почему не к лежбищу хах-коваев?

— Отбирать яйца у здоровяков можно и без тебя, так что к коваям, но это только проверка. Если окажешься не таким бесполезным, как Али, наведаемся еще и к хидоям. После этого сделаем небольшой крюк, и домой.

В тот момент я не придумал значения слову «крюк», и напрасно. Впрочем, это было естественно, потому что в следующую секунду маховик событий этого дня начал набирать обороты.

Внезапно в окне второго этажа послышалось странное гудение, а затем раздался хлопок. Проем окна засветился синим сиянием, и из него вылетело облако, словно заработала машина искусственного снега. Очень зловещая машина, потому что снег был красным. Невесомые хлопья медленно опускались на землю, покрывая ковер из опавших листьев и бледного мха алым налетом.

Образовавшаяся вслед за этим событием тишина была кратковременной и очень хрупкой. Она разлетелась на тысячи осколков от первого же крика:

— Золотой, ты привел нас в лабораторию мага!

Группа до этого одинаковых людей тут же разделилась на неравные части, сразу стало понятно, кто здесь «рыба», а кто «матросы». Причем «матросов» было всего пятеро, вместе с капитаном и я волей судьбы оказался в их компании.

— Заткнись, Угрюм! — прокаркал Золотой и тут же протараторил что-то на арабском.

Компания «матросов» оцетинилась длинными ножами.

Казалось бы, силы были неравными, но после того, как из-под хламид «рыб» показались жалкие ножички, и то далеко не у всех, ситуация вновь обрела равновесие.

— Мы так не договаривались, — прорычал тот, кого Золотой назвал Угрюмом.

Похоже, мужик знал больше остальных «рыб», но его явно славянское происхождение не позволило стать «матросом» в арабской команде.

— Мы вообще ни о чем не договаривались. Если что-то не нравится, можешь идти дальше сам. Далеко ли ты уйдешь без лонии?

— Искать в жилых домах — это одно, а в лаборатории — совсем другое, слишком опасно.

Я уже начал поворот головы, ожидая услышать ответ капитана, но его довод был беззвучным или почти беззвучным. Этого не ждали ни я, ни зачинщик мини-бунта — если в правой руке солидный кинжал, на левую как-то не обращаешь внимания. Угрюм тоже не обращал. И зря.

Золотой дернул левой рукой, и инициатор бунта завалился на спину с ножом в шее. Так что ответ араба прозвучал в виде бульканья крови в горле оппонента.

Довольно доходчиво.

Неизвестно, как бы закончился это спор, но из дома появились поисковики. Причем только один из «матросов» потерял обоих «первопроходцев». Второй вернулся с одним подчиненным, а третий вообще привел обоих. Мало того: в его руках имелся увесистый мешок с добычей.

Это и решило спор. Три стоявших рядом с Золотым «матроса» быстро отобрали по паре свежих «рыб» и, двигаясь за ними, исчезли в доме.

Как только в дом ушла вторая партия мародеров, Золотой разделил отряд. С ним пошли четыре «матроса» и пять «рыб», а другие остались у дома. Естественно, я тоже был зачислен в состав отобранного отряда.

— Соваться всей толпой в логово коваев неразумно. Пусть пока ребята пошарят в окрестностях. Там не так опасно, как в лаборатории.

И вот мы вновь тронулись в путь. Отмеченная редкими «флажками» тропа повела нас вверх по взбирающейся на холм дороге, но этот путь был отнюдь не простым. Мы постоянно петляли, и не только между пробившими тротуар стволами деревьев, но и обходя невидимые опасности. Пару раз пришлось забираться в окна домов, чтобы вновь выбраться на тротуар всего в десятке метров выше по дороге. Все эти зигзаги перестали утомлять меня, как только один из проводников провалился в покрытый мхом тротуар, словно в трясиину.

Он даже не успел крикнуть — лишь мох на месте падения засветился ярче.

Мне захотелось чертыхнуться, но я не рискнул нарушать тишину этого жуткого места.

Второй смертник встретил свою судьбу в объятиях колючего кустарника. Это мерзкое растение проросло между камнями брусчатки за одно короткое мгновение. Тонкие и с виду хрупкие побеги пробились закутанное в лохмотья тело, моментально напитались красным цветом, стали толще и застыли, словно обычный куст. И только ссохшееся тело внутри густого переплетения ветвей напоминало о недавней трагедии.

Когда же все это закончится?!

Остановились мы только через полчаса.

— Все, чужак, — прошептал повернувшийся ко мне Ибрахим, — магический квартал закончился, теперь пойдет территория твоих коллег. Дальше на север располагались казармы проводников. Если идти вдоль стены, можно добраться до лежбища здоровяков. А перед нами — пролом, ведущий к одному из обиталищ коваев. Твоя задача — сделать так, чтобы никого из чудовищ не было ни по пути к логову, ни у входа. Дальше мы справимся и без тебя. Так что вперед, «великий укротитель».

Если честно, после пережитого мне больше хотелось назад, а не вперед, но выбора не было, и пришлось едва ли не ломать себя, чтобы сделать первый шаг.

Одно утешало — теоретически магических и алхимических ловушек здесь быть не должно.

Коваев я почувствовал сразу за проломом в стене, словно это была какая-то преграда для ментального сканирования. Их было очень много. Полсотни, не меньше, и парочка находилась очень близко, но почему-то не учуяла наше присутствие. Похоже, сработали вонючие накидки. Да только как сделать так, чтобы они нас еще и не увидели? Я осторожно прощупал ментальное поле зверей и вполне ожидаемо не почувствовал там никаких виртуальных «шаров», с помощью которых управляются прирученные они.

Мое прощупывание было тут же замечено, но звери пока не поняли, что происходит, поэтому просто забеспокоились.

Ну и что мне с этим делать?

Коваи здесь, я тоже, и кто-то из нас на этом участке лишний. Лично мне казалось, что лишними были коваи, а они наверняка думали наоборот. Нужно, чтобы они ушли, но то, что может соблазнить их, как раз находится рядом — сочное мясо, которое звери не чувствуют под вонючими накидками. Хорошо, а если они почувствуют добычу не здесь, а где-то там далеко?

Ну и как это повернуть?

Помня свои эксперименты с Бимом и Бомом, я решил создать ментальный призрак. Проще говоря, заставить коваев подумать, что они чувствуют человека в глубине развалин дальних казарм. Для начала мне нужны ориентиры. Проще всего это было сделать с помощью оставшихся «рыб», но от того, что эта мысль вообще залетела в мою голову, стало невыносимо стыдно. С другой стороны, можно вычленил образы из мозга самого зверя. О чем подумает зверь, если слышит странный звук? Правильно, о добыче.

Я отполз обратно в пролом и повернулся к затаившемуся Золотому:

— Нужно забросить камень через стену, и чем дальше, тем лучше.

Араб кивнул и повернулся к одному из своих «матросов», который тоже слышал мои слова.

«Матрос» чуть привстал и достал из-под накидки кожаный ремень. Через пару секунд небольшой камень, пущенный из пращи, полетел через стену. Все произошло так быстро, что я едва успел сконцентрироваться. Калейдоскоп образов, донесшийся до меня со стороны одного из коваев, расшифровать было невозможно, но этого и не требовалось. От старания я едва не прокусил губу, но все же сумел послать общий сигнал всем коваям поблизости.

Получилось! На площади за проломом послышался шорох камней, и серые туши практически беззвучно скользнули в сторону развалин здания на противоположной от нас части площади.

— Чисто, — прохрипел я, стараясь выровнять дыхание, потому что от напряжения позабыл даже дышать.

— Быстро! — таким же резким тоном скомандовал Золотой, и мы небольшой стайкой побежали за капитаном.

К счастью, забег был коротким. Похоже, Ибрахим знал, куда бежать. Он остановился возле темной дыры, ведущей под стену одноэтажного дома. Я тут же ухватил его за накидку.

— Внизу есть еще двое.

— Теперь это не проблема. — Белые зубы араба блеснули на испачканном грязными разводами лице.

Капитан достал небольшой шар и, примерившись, кинул его в дыру. Через секунду оттуда пахнуло дымом. Еще через пару секунд я с удивлением почувствовал, что оставшаяся в норе пара коваев засыпает.

— А почему не сделать это раньше? — несмотря на напряженную обстановку, спросил я.

— На открытом пространстве это не работает, — на радостях снизошел до ответа Золотой, продолжая загибать пальцы, явно отсчитывая время. — А ты молодец. Обычно мы сидим тут по паре суток и теем десяток «рыб».

Загнув еще один палец, Ибрахим закончил отсчет:

— Пошли.

Мы все тут же нырнули в зев норы. Коваи вырыли достаточно большой проход, так что можно было хоть и сильно пригнувшись, но все же пройти, а не проползти. Впереди блеснул магический светильник, освещающая пространство с быстро тающим дымом.

— Чужак, оставайся у входа.

Ага, ща-з! Вот так взять и задуть свое любопытство? Фигушки.

— Я только гляну и сразу вернусь.

В принципе смотреть было не на что. Проход заканчивался довольно обширным логовом, в котором могла уместиться пара десятков коваев, но сейчас посреди пещерки лежали лишь два мирно спящих зверя. В небольших отнорках виднелись кладки яиц. «Матросы» и Золотой тут же бросились к стенным нишам, доставая из сумок ворох каких-то сеточек. Конструкции, в которые запихивались яйца, были похожи на небольшие авоськи, инкрустированные мелкими камнями. Как только яйцо попадало в эту «авоську», камни загорались синим цветом.

А это что за новости?

Вопросов стало еще больше, когда у одного из «матросов» камни засветились желтым. Он тут же вывалил яйцо обратно и начал запихивать в сетку другое.

— Чужак! — яростно прошипел Золотой.

Пришлось отправляться к выходу.

Коваи по-прежнему находились в дальних развалинах, пытаясь сообразить, что они такого здесь учуяли и почему до сих пор не впились зубами в теплое мясо добычи. Именно любопытство этих неглупых зверей и позволило нам повернуть операцию без лишних проблем.

Я не успел заскучать, как за спиной послышался шорох.

— Как там?

— Все чисто.

— Уходим, — прошептал Золотой, и мы вновь рванули через площадку.

Знакомый провал в стене встретил нас как дом родной.

Неужели получилось?

В принципе задачу-минимум я выполнил, и теперь можно возвращаться домой, хотя, конечно, очень хотелось заполучить яйцо хидоя. Судя по загоревшимся глазам Золотого, эта мысль посетила и его голову.

— Давай заглянем еще в одно место. Для хидоя еще не сезон, вялыми они станут только через пару месяцев, но тогда три четверти яиц из кладки будут уже негодными.

— В каком смысле «негодными»? — тут же напрягся я.

— Не время болтать, пошли!

Эта поспешность капитана наверняка была продиктована нежеланием делиться со мной информацией, но, когда вернемся домой, я все равно вытяну из него правду, чего бы мне это ни стоило.

Мы вновь нырнули в фантазмагорические заросли магического квартала. То, что минуту назад уже начало казаться бредовыми видениями, вновь обрело реальность. А ведь нам еще идти по этой территории обратно!

На пути к новой точке охоты мы потеряли еще двух «рыб», зато удачно набрали на скелет какого-то богатого горожанина, с которого сняли золотые украшения и, что самое главное, какой-то артефакт. И тут я узнал много интересного. На моих глазах Золотой достал из мешка какую-то коробочку, большие ножницы и еще большие щипцы. Покрытым странными рунами инструментом он расковырял истлевшую одежду на груди скелета и, поддев за цепочку, достал кулон с камнем. Камень был аккуратно опущен в коробочку, а затем Ибрахим перерезал цепь ножницами.

Ох, ну не идиот ли я?! Ведь в гостинице среди моих вещей осталась такая же коробочка, в которой мне доставили трофейный и уже «перешитый» защитный амулет от королевских магов. Жабу пришлось успокаивать тем, что не за этими цацками я сюда явился.

До очередного пролома в межквартальной стене мы добрались только с одним смертником, да и тот нашел себе приключения на мягкое место практически у цели нашего забега. Идущий впереди парень вдруг сорвал с какого-то куста плод, похожий на мелкий лесной орех.

Вот же, блин, идиот!

Через секунду парень превратился в дракона, извергающего из пасти... нет, не огонь, а клубы дыма. Как ни странно, «матросы», вместо того чтобы напрячься, только тихо засмеялись. А дыма, кстати, было изрядно. Дымило не только изо рта незадачливого гурмана, клубы валили и от того, что он выплюнул.

— Ну, это же просто орешек, — обиженно проговорил наконец-то отплевавшийся смертник.

Парень явно не блистал умом, впрочем, чего ожидать от человека, согласившегося стать смертником, надеясь на призрачный шанс стать «матросом»-мародером и заработать кучу сокровищ в необозримом будущем.

Клубы дыма заволокли все окружающее пространство, поэтому нам пришлось срочно идти дальше. И это с одного орешка! Интересные здесь кустики растут... Возможно, совершая глупость, я все же сорвал с десятков орехов и забросил в карман.

Между гвардейскими казармами мы пробирались как тень, боясь лишний раз вздохнуть. Мне почему-то не удавалось почувствовать хидоя, и это напрягало всех. А вокруг вздымались в небо обнявшиеся, словно любовники, деревья и потрескавшиеся колонны. Это по-

ходило на случайно увиденную мной когда-то в Инете колоннаду в Апамее. Только колонны побольше и площадь значительно шире, общей была разве что степень ветхости. По большому счету основной город не так уж плохо сохранился, но вот в районе гвардейских казарм словно произошла какая-то битва. Причем все смахивало на схватку двух танковых полков. Я догадывался, кто именно здесь велелиться, и от этого становилось как-то не совсем уж хорошо. Близкое общение с óни сыграло со мной злую шутку — только сейчас до меня начало доходить, как все мы беззащитны рядом с неуправляемыми чудовищами.

Хидоя я почувствовал в тот момент, когда Золотой хотел что-то спросить. Его вопрос умер в зародыше, как только я предостерегающе поднял руку.

— В кусты! — скомандовал капитан, и мы мохнатыми мячиками нырнули в ближайшие заросли.

После увиденного в магическом квартале делать это было боязно, но, похоже, в ареале обитания диких óни фауна была не настолько агрессивной. Впрочем, опасностей здесь хватало и без нее.

Едва мы укрылись в зарослях кустов с большими зеленовато-серыми листьями, как команда Ибрахима начала вертеть головами, а вот мне напрягаться в ожидании появления опасности не было необходимости, потому что я и так знал, когда и откуда она появится.

Это был великолепный зверь, он превосходил своей мощью и брадарских, и тем более аравийских хидоев.

Они были удивительными животными, и описать их несведущему человеку очень сложно, только прибегая к ассоциациям. К примеру, прирученный ковай был немного крупнее льва и имел схожие повадки и строение тела. Но лишь приблизительно — жесткая шипастая кожа, выдающиеся вперед огромные клыки в солидном наборе и практически полностью покрытая костяными наростами голова с тремя жесткими гребнями давали такую фору «вооружению» земного льва, что о сравнении даже речи идти не могло. Прирученный хидой был значительно крупнее ковая — размером с крупного быка. По строению тела и движениям он походил на собаку, но здесь общего с земным животным было еще меньше. Все тело хидоя закрывал хитиновый панцирь, усеянный шипами и похожими на пилы гребнями. Все это великолепие завершал скорпионий хвост — жуткое и прекрасное зрелище. Так вот то, что я увидел на площади с двумя линиями колоннады, вызывало восхищенный трепет даже у поводыря. Зверь был поистине прекрасен. Я точно хочу такого и готов ради этого сдохнуть!

Первым порывом был ментальный контакт, и здесь я сделал самую главную ошибку. Шедший по своим делам дикий хидой вздрогнул и начал внимательно озираться.

• Истребитель тварей •

ПРОЛОГ

Что-то было не так. Вроде все на месте: и большой зал приемов, и стол передо мной, но все же обстановка давно знакомого помещения отдавала легкой нереальностью. Возможно, причина — в изменении света кристаллических рассеивателей: облака перекрыли доступ солнечным лучам к наружным линзам или еще что-то случилось. А может быть, все дело в моем настроении. Я сидел за столом и ждал старого знакомого — человека, к которому хорошо относился и давно не видел. И почему же тогда эта встреча вызывала во мне дурные предчувствия? Причем настолько дурные, что даже исказилось восприятие привычной обстановки.

Входная дверь бесшумно раскрылась, в проеме возникла знакомая фигура с низко опущенной головой. В груди почему-то начало зарождаться чувство страха.

В следующий момент события понеслись вскачь. Пройдя половину пути от двери, гость резко вскинул голову и, практически не приседая, прыгнул вперед, единым махом долетая до стола. Неестественно большая для человека пасть, с такими же несвойственными хомо сапиенс клыками, устремилась ко мне. Ну а меняхватило только на то, чтобы отшатнуться в кресле. Все дальнейшее поглотила черная вспышка.

— Да сколько ж можно! — С этим больше рассерженным, чем испуганным воплем я проснулся в спальном нише своих покоев. То, что это просто кошмар, мне стало понятно за пару мгновений до пробуждения.

Конечно, это был не самый приятный сон, но возможно — один из самых информативных. Это уже третий в моей жизни кошмар, который с большими шансами обещал воплотиться в реальной жизни. Мне, конечно, снились и обычные сны, но вещие видения отличались особой яркостью и реалистичностью. Вот как сейчас. Из чего следует вывод — нужно все хорошенько обдумать. Проигнорируй я два предыдущих сна, не сидел бы сейчас в своей постели с недовольным видом, а находился где-то за гранью бытия.

В первом вещем сне, кроме прочего, мне привиделась битва на берегу Дольги. Сон пришел еще до попадания в этот мир — незадолго

до того, как меня бросили в магический колодец, чтобы омолодить одну старую сволочь. Постепенно сон стал забываться, чему способствовали учеба в школе поводырей и более чем впечатляющее знакомство с магически измененными зверями, но в нужный момент память вынесла эти воспоминания на поверхность. В результате артефактные плети аравийских Погонщиков Смерти распластали лишь тело трофейного хидоя, а я вовремя соскочил и остался жив. К тому же мне удалось умертвить Погонщиков, двух магов и спасти принца Белинуса. За что я и получил дворянство.

Второй сон был об угрозе на искореженном магической катастрофой острове Хоккайдо. И этот сон тоже оказался очень полезен — нырок в неприятного вида дыру не только спас мне жизнь, но и подсказал путь к сокровищам проклятого острова.

Вот такие вот предпосылки для серьезных раздумий. Только в темноте что-то не думалось.

Одним из недостатков моих покоев было то, что окно имелось только в кабинете. С другой стороны, определить время можно и не выглядывая наружу.

Кстати, почему я до сих пор не обзавелся магическими часами?

Рука привычно скользнула по камню у изголовья, и мягкий свет кристаллической друзы на потолке осветил спальню. Судя по слабому сиянию, сейчас была середина ночи — днем друза горела ярче, но даже в этом случае ей было далеко до яркости магического светильника, созданного артефакторами-людьми.

Сон куда-то ушел, к тому же любопытство тянуло посмотреть на «место происхождения».

Босые ступни привычно ступили на чуть теплый пол. Лепота! Даже в моем мире теплые полы были роскошью, а здесь и подавно. Молодцы гномы.

Активировав магический светильник, я, не одеваясь, прошел в зал приемов. Все на своих местах. Кристаллические рассеиватели света сейчас были темными, так что интерьер медленно выплывал из мрака благодаря магическому светильнику в моих руках.

Высеченные в камне гномьи воины с прежним упреком смотрели на чужака. На их фоне изображение оскаленной морды сагара позади моего стола выглядело очень даже дружелюбным. Порой меня подмывало приказать сколоть старые барельефы, но рука не поднималась уничтожить это произведение гномьего искусства. И без того половину изображений испортили мародеры во время выкуривания гномов из этих тоннелей. Теперь все вернулось на круги своя — гномы сняли рабские ошейники и спустились в подгорные мастерские, но изображения закованных в броню воинов по-прежнему смотрели на меня с немим укором.

Или я это просто себя накручиваю?

Вид «сцены», на которой разыгралась приснившаяся трагедия, ничего не дал. Даже сидение за столом не помогло вспомнить, кто же из небольшого круга моих местных знакомых оказался чудовищем и напал на меня. А вспомнить было ой как нужно.

Непривычный для этих мест рабочий стол в зале для приемов был выдуман мной после недолгого сидения на троне. Подобный стульчик для приема подданных позволялось иметь всем ярлам и князьям — почетно, но жутко неудобно. Мне никак не удавалось найти нужную позу, чтобы не выглядеть нелепо. А за столом можно было сидеть как вздумается — все скроет передняя панель.

Посетители в такой ситуации обычно стояли, а те, с кем доводилось вести долгие разговоры, сидели на каменном бордюре вдоль боковых стен зала. Гномий мебельный дизайн был не особо статусным, но когда это меня волновали подобные нюансы... главное — удобно.

Мои незапланированные передвижения посреди ночи не остались незамеченными. Дверь на другом конце продолговатого зала открылась, и в проеме появилась недовольная голова Клеппа.

— Чего бродишь как шатун? — проворчал огромный викинг.

— Шел бы ты спать, — не менее хмуро сказал я Клеппу.

— Ага, — фыркнул островитянин, и его бородатая голова скрылась из виду.

И ведь не пойдет спать — упрямый буйвол. Они вдвоем с Сигтрюгом взяли надо мной шефство. Один опекал меня с полуночи и до обеда, а второй бродил за мной хвостиком с обеда до полуночи. Судя по тому, что Сигтрюг — послал же Бог имечко — спит, полночь еще не наступила. Оба викинга достались мне в «наследство» после битвы с дикарским божком.

В этом кошмарном бою погиб мой друг — предводитель островитян Эйд Железная Палица. Еще один друг — Скули Говорун — стал херсиром хирда, рассекающего морские и речные волны на дракаре «Могучий Тур». В этом же бою гигант Клепп Медная Голова получил жуткие ранения, приговорившие его к жизни калеккой в островном «доме жалости» — самая страшная участь для викинга. Благодаря баснословно дорогой операции магические целители оставили могучего воина в строю, но здоровяк отказался возвращаться на дракар и сам себя назначил моим пожизненным телохранителем. По той же причине рядом со мной остался и Сигтрюг Два Пальца, получивший прозвище благодаря отвратительной привычке тыкать пальцами в глаза своим врагам. Этот коротышка был вообще отморозком из отморозков, но ему я доверю свою спину с большей охотой, чем любому интеллигенту и гуманисту. Единственное, на чем я настоял, так это на сокращении имени до трех первых букв — ни прозвище, ни тем более зубодробительное имя меня не устраивало.

Воспоминания немного успокоили нервы, и я тут же зевнул. То, что не опознал личность зловещего визитера из сна, — плохо, но обычно эти странные предупреждения делались заблаговременно, так что еще успею провести анализ видения, посланного мне то ли свыше, то ли из подсознания. А пока — спать.

Глава 1 **ВЫЗОВ**

До утра видения меня больше не мучили, так что удалось хорошо выспаться.

Сегодня выходной, и можно поваляться подольше, но не стоит лелеять в себе лень, она и без дополнительной подпитки способна дать толстые корни.

Одеваясь в мягкие вещи из гномьего мха, которые в последнее время стали не только удобными, но и нарядными, я привычно зацепился взглядом за небольшую нишу в стене. Там на артефактной подставке стояло неказистого вида яйцо. Прошлой зимой там же находилось яйцо сагара, но с ним-то как раз никаких проблем не было.

Еще пару месяцев назад я каждый день по утрам подходил к нише и с нетерпением прикасался к скорлупе яйца. Но седмица шла за седмицей, а слабый огонек жизни едва тлел под серой скорлупой. Верховный хорох вместе с главным магом жизни моего госпиталя лишь разводили руками. Наши радужные надежды постепенно серели, как скорлупа таинственного яйца. После успеха с Рудым я надеялся на невероятное чудо. В первые месяцы искорка жизни под скорлупой казалась очень сильной. Растущее внутри существо даже откликалось на мои эмоциональные послы теплыми волнами узнавания, но затем процесс развития зародыша неведомого вида óни начал замедляться, пока не превратился в своеобразную летаргию.

Я все же прикоснулся к яйцу, стараясь передать максимум дружелюбия и надежды. Жизнь внутри сонно откликнулась, но не больше.

Ладно, что будет, то будет. Мне и так грех жаловаться на жизнь.

Короткая зарядка разогнала сонную одурь и разбудила аппетит, который по утрам не желал просыпаться самостоятельно. После прохладного душа гномьего стандарта, как по виду, так и по температуре, аппетит проснулся окончательно и начал подбивать желудок на протестующее урчание.

По недавней традиции на завтрак у меня собрались все мои ближники: глава магов Богдан, которого молодая жена умудрилась раскормить до неприличных габаритов, позевывающий со сна викинг с укороченным именем Сиг и оба управляющих — наземный и подземный.

После ранения Элбан немного снизил интенсивность своих пивных загулов, но все же иногда устраивал посиделки с Гурдагом. Так что дружба человека и гнома становилась еще крепче. Постепенно в круг их интересов вовлекался и зять главного управляющего, так что эта троица давно спелась и потихоньку начала вить из меня веревки.

— Мастер, — в эксклюзивной манере обратился ко мне гном. По его прищуре было видно, что сейчас меня опять начнут разводить. — Мне не нравятся дела в гурамахской шахте. Может, закроем ее на время?

— Действительно, господин, — тут же «впрягся» Элбан. — Мы и так работаем на склад. Оружие и броня из гномьей бронзы идут на расхват, а на железо придется снижать цену.

— Что-то я не замечал, чтобы раньше запас жал твой карман. К тому же положение с ценой на сталь мы еще в прошлом году предвидели, — кольнул я взглядом Элбана и повернулся к Гурдагу, угадывая истинную причину мини-бунта. — Что, мастер, гномы начали заплывать жирком?

— Мы работаем не покладая рук, — возмутился Гурдаг, решительно припечатывая стол ладонью. В отличие от моей рабочей мебели из камня, в столовой стол был деревянным, а ладонь у рунного мастера тяжелой, так что чашки с чаем и вазочки с медом и вареньем подскочили, обиженно звякнув. И только большое блюдо с горячими блинами равнодушно пережило «столотрясение». В столовую тут же вбежали две девушки из прислуги, которых я сразу отпустил успокаивающим жестом.

— Да только работать не покладая рук в обжитых уютнее, чем в новых и необустроенных?

Гном понял упрек, но не принял и тут же надулся.

Эту проблему я предвидел еще на разработке плана по освоению княжьих, или, как принято говорить в этой местности, ярловских, владений. В отличие от соседей мне достались практически голые скалы горной гряды Луг Дирг. Это была вторая свинья, подsunутая мне в виде великой милости. Но выжать изрядный доход и с первого, и со второго «подарка» мне помогли гномы. Правда, во второй раз они делали это со скрипом.

Все дело в том, что под горой в дворянском владении Мен находилось не просто готовое поселение для гномьих мастеров, здесь у них была полная автономия. Что касается пяти новых шахт, то укомплектовать их полностью гномами было невозможно. Выход мне подсказал самый непригодный для горных работ гном по имени Турнок. Он был мастером рудокопом, но мастером порченым. Все дело в его силе — слишком неуправляемой для «ювелирной» работы по прокладке подгорных тоннелей. Но, видя, как легко гном превращает камень в мелкий щебень, я решил, что на одну шахту хватит пары гномов и толпы простых чернорабочих из людей. Задумка оказалась

успешной. Раз в несколько часов гном подходил к торцу вырубки и, нанеся на нужное место руну, измельчал кусок рудного массива одним ударом. Затем люди-рабочие вытаскивали все это наверх, а в это время гном продолжал благоустраивать шахту.

И все же ссориться с бородачами упрямыми нельзя.

— Мастер, я прекрасно понимаю ваших родичей, но у меня нет другого выхода. Княжество держится на плаву лишь благодаря этим шахтам. На одном оружии мы далеко не уедем. Этого хватало на прокорм о́ни, но достойная плата поводырям нас разорит.

— И почему мы должны кормить этих убийц?.. — невольно проворчал гном и тут же замолк, понимая, что сказал лишнее.

— Кормить питомцев — это моя забота, — чуть подпустил я металла в голос. — А ваша забота — выполнять взятые на себя обязательства. Мастера-рудокобы не хотят работать рядом с людьми, и я их понимаю. Вы думаете, мне приятно постоянно биться головой в броню вашего упрямства? Все будет так, как оговорено ранее. Мы будем продавать сталь и медь в максимально возможных объемах.

Главный управляющий не рискнул прерывать наш спор с гномом, но издал протяжный вздох, что не осталось незамеченным.

— Элбан, цену снижаем на десять процентов. Чтобы никто не сел нам на шею, держим этот уровень не меньше года, а там посмотрим.

Настроение стремительно падало, так что его необходимо было срочно поднимать.

— Ставки уже сделали?

Затихшие люди и гном тут же приободрились. Особенно оживился до неприличия азартный Сиг. Невысокий викинг вообще отличался эмоциональностью и полным отсутствием манер. С манерами, несмотря на то что даже за столом он сидел в кольчуге, удалось совладать благодаря таким вот общим завтракам. А вот накал эмоций в волосатой черепушке не снижался ни на градус. В своей азартности Сиг был похож на нового херсира «Могучего Тура» — Скули, но Говорун хотя и со страшным скрипом, но все же умел останавливаться.

— Десять золотых, — выпалил викинг, дожевывая блинчик.

— На кого?

— Гы, — в ответ оскалился мой самозванный телохранитель.

Понятно, свою верность он распространял не только на мою защиту.

С островитянином было все понятно, а вот взгляды остальных мне не понравились.

— Это уже интересно. Богдан, а ты на кого поставил?

— Секрет.

— Ну-ну, — хмыкнул я, понимая, что троица моих администраторов поставила против меня. Даже стало интересно, что там опять задумал Вин Драган. Командир корпуса поводырей, как и его подчиненные, не упустят случая посадить меня в лужу.

Концовку завтрака удалось спасти, и разошлись все в прекрасном настроении. Как обычно по неделям — так по славянской традиции здесь называли воскресенье, — я после завтрака отправлялся на прогулку. Сиг плелся позади, изображая из себя скучающего зеваку. Но в городке не было никого, кто бы не знал о зловещей славе Сигтрюнга Два Пальца. Так что если ко мне и подходили, то медленно и с доброжелательными улыбками. Впрочем, моей прогулке никто не мешал. Медлительные и нарядные по причине выходного дня горожане лишь вежливо кланялись.

Всего за год городок разросся до таких размеров, что даже в обширной долине ему стало тесновато. Огороды и виноградники выплеснулись за пределы долины, а внутри кроме домов остались лишь сады и розарии — любил местный народ похожие на земные розы цветы. А почему не любить? Розы этого мира цвели с ранней весны до поздней осени, были очень красивыми и совершенно не имели шипов. Благодаря цветам и фруктовым деревьям в городе дышалось легко — и не скажешь, что вокруг живет почти пять тысяч народа. И это если не считать постоянно сменяющихся друг друга кущов.

Вид у большинства горожан был настолько же хитроватый, как и у моих администраторов. Стало еще интереснее. Но, увы, до самого вечера никто так и не снял покрывала тайны.

Обедал я на летней веранде первого в городе дорогого ресторана — пришедшая в город весна буквально требовала тесного общения с собой без помех в виде стен. А мне — постоянному «узнику» скальных коридоров и комнат — хотелось ответить ей взаимностью.

В такие дни все стремились к семьям, а мне же приходилось обедать в одиночестве. Конечно, можно было пойти к Элбану или в новый дом Богдана, но что-то не хотелось. В таком настроении я буду лишним на празднике семейной жизни.

С этим нужно что-то делать. Все чаще я задумывался о Насте, но почему-то сразу в голове всплывал образ Ровены, напрочь лишая иных мыслей и желаний. Прямо наваждение какое-то. Вот и сейчас душа металась в терзаниях, а вокруг, не подозревая о грусти своего ярла, веселились мои подданные.

Конечно, в королевстве были свои праздники и выходные дни, но они по большому счету проявлялись в балах для дворян и кабацких посиделках для людей попроще, мне же не хватало всенародных празднеств. Власть ярла позволяла многое. Поэтому я личным приказом каждую неделю выводил народ на общие гуляния, сплачивая их общими эмоциями.

Были попытки привить здесь какой-нибудь зрелищный спорт. Увы, футбол местные жители не приняли, как и все остальные земные развлечения. Немного взбудоражил умы горожан бокс, точнее — драка в боксерских перчатках, но и он отошел на второй план после внедрения еще одной моей идеи.

И вот теперь все с нетерпением ожидали захода солнца, да и общая интрига, судя по всему, разрешится в это же время.

Ранее поводыри тренировали своих óни только на закрытых площадках. Никому даже в голову не приходило, что можно устраивать спарринги огромных зверей на потеху публике. А мне пришло. Тем более под рукой были гномы, способные воплотить в жизнь самые бредовые идеи. Благодаря подгорным мастерам óни обзавелись защитными латами и бронзовыми накладками на когти. Чтобы полностью обезопасить себя от несчастных случаев, пришлось прибегнуть к намордникам. Последняя деталь не нравилась магическим зверям больше всего.

После нововведений эффективность тренировок выросла в разы. Кроме того, зрелище сходящихся хоть в тренировочной, но яростной схватке тяжелых монстров привлекла внимание всех горожан. Теперь тренировки превратились в спорт и собирали аншлаг.

Немного погуляв по городу, я покосился на заходящее солнце и пошел готовиться к бою. Сегодня — один из четырех главных праздников в году, и на арену выходит Рудый.

Сагар мирно спал в своем логове и ни на какие бои не собирался; пришлось настоять. Что-то в последнее время он стал раздражительным, несмотря на то что зверь уже полностью сформировался. Да и до ближайшей линьки было не меньше полугода.

— Ну и что с тобой происходит? — спросил я у склонившего голову сагара. Сейчас он был похож на огромную бронированную гориллу, опечаленную отсутствием бананов.

В ответ мой мозг затопил целый шквал образов и эмоций. Да только понять что-либо в этом месиве даже с моим даром Укротителя было нереально.

— А может, ну их, эти бои? — с нарочито хмурым видом спросил я у сагара.

Слов он, конечно, не понял, зато хорошо разобрал пакет мыслеобразов. Причем я запустил в его мозг не картинки усиленных тренировок, а образ победно ревущего сагара, купающегося в восторгах зрителей.

Рудый моментально приободрился и вскочил на ноги, немного подпрыгнув. Причем так рьяно, что стукнулся рогатой головой о потолок логова. С бронированной головой ничего не случилось, а вот потолок дал трещину. Да и мне находиться рядом с прыгающей в восторге шестиметровой и трехтонной тушей было не совсем безопасно. Хотя не было еще ни одного случая, чтобы сагар хоть на кого-то наступил без приказа. При этом он имел игривый, можно даже сказать — проказливый нрав и нередко доводил обслугу до полуборока.

— Ладно уж, пошли, зазнайка, — фыркнул я, на всякий случай отойдя ближе к прутьям выхода из логова.

В соседних логовах зашевелились во сне братья Рудого. Я невольно «прикоснулся» к их сознанию. Мне было жаль этих зверей. В отличие от моего питомца, они жили в логовище как узники.

Укротить диких сагаров не удавалось даже мне, поэтому большую часть своей жизни звери проводили в клетках — не видя ни солнца, ни горных просторов княжества Луг Дирг.

И все же я не мог дать им хоть толику свободы — эти звери были совершенно неуправляемы, и даже через Рудого, который для них являлся чем-то вроде главаря, полностью контролировать их было невозможно.

Я посредством Рудого погрузил дикарей в более глубокий сон — это было единственное действие, которое удавалось выполнять со стопроцентным результатом. Дикие сагары быстро успокоились, а мы с Рудым направились на Арену.

Полгода назад, когда Игры они только набирали популярность, Элбан организовал «субботник» как в наземной, так и в и подземной части поселения. Благодаря этому буквально за несколько дней рядом со скалой выросла Арена. Это сооружение словно олицетворяло саму суть бытия нашего маленького сообщества. Классический римский цирк, с ареной диаметром в пятьдесят метров, на треть словно вращался в скалу. Единственным отличием от римского сооружения была структура арены. Сразу за высоким бордюром, защищающим зрителей от боевой ярости зверей, находился глубокий ров с водой. Сама арена представляла собой круглую площадку двадцатиметрового диаметра. На нее через ров вели четыре каменных мостика.

Я шел по большому тоннелю, и с каждым шагом шум толпы становился все сильнее. Очередной поворот коридора словно снял последние барьеры на пути звука, и гул толпы ударил по ушам, а через секунду он резко усилился, потому что зрители увидели меня и маячившего за моей спиной Рудого.

Довольно противоречивые чувства — с одной стороны, восторг зрителей приятен, особенно для эмпата, а с другой — я чувствовал себя клоуном.

Алый закат врывался сквозь прореху полускрытого в скале цирка и, подхваченный ревом толпы, ударялся о стену утопленной в скалу части. Трибуны гномов, как и те, кто там сидел, встречали людскую суету гордым молчанием. Эта часть цирка сильно отличалась от людских трибун. Места для гномов напоминали собой береговую батарею с глубокими бойницами. Самих зрителей невозможно было разглядеть в глубокой тени, но я чувствовал, что там весь состав подгорных мастеров нашего поселка — гномы оказались тоже подвержены азарту, как и люди, только скрывали его за толстыми стенами и непроницаемыми лицами.

Площадка между двумя «дотами» гномьих трибун имела несколько посадочных мест для начальников среднего звена. У самого рва

располагалось несколько скамей для участников боя, как и с другой стороны арены. Кроме того, здесь же находился центральный трон, на который я и уселся. Для этого пришлось подняться на несколько ступеней, но зато теперь открывался прекрасный вид на арену и — главное — на площадку за противоположным мостиком. Рудый, недовольно сопя, уселся рядом на пол, при этом он по-прежнему возвышался надо мной как минимум на метр.

Что ж, чего-то подобного и следовало ожидать. На скамье для участников сидел закутанный в белую тогу негр. В своей «простыне» рядом с полностью экипированными поводырями он смотрелся как минимум нелепо. В груди шевельнулось раздражение, но я его тут же загнал поглубже — если Очин и мог нарушить мой приказ не выводить Мрака на схватки, то Драган этого точно не допустит. Так что битвы двух сагаров не будет. Тогда что же заставило моих ближников сделать ставки против своего командира?

С Очином вообще сложилась непростая ситуация. Возвращаясь из похода на Хоккайдо, я привез с собой еще одно яйцо сагара. Его растили по всем правилам под полной опекой хорохов, но, когда пришло время привязки к поводырю, случилась большая неприятность — ни один из поводырей Корпуса не смог обуздать молодого сагара. Некоторые так старались, что едва не выгорели. Положение становилось катастрофическим. С каждым днем сагар, получивший имя Мрак, погружался в апатию. Я, имея дар Укротителя и опыт общения с Рудым, смог бы достучаться до зверя, но зачем мне второй сагар? Если Злоку Рудый воспринимал снисходительно, то Мрака пришлось прятать в дальнюю часть логовища — сагары из разных пометов и на дух друг друга не переносили.

Выход из неприятной ситуации нашел верховный хорох, но этот выход не понравился всем без исключения. При разгроме армии дикарей рабские рынки Брадара и Аравии захлестнула волна чернокожего товара. Я принципиально не признавал рабства, несмотря на вопли Элбана. В глазах Гурдага тоже мелькали мысли о полезности рабов в рудных вырубках, но гном прекрасно помнил тяжесть ярма на собственной шее и поэтому молчал. И все же одного раба пришлось купить. Верховный хорох обнаружил среди пленников сильного поводыря, да что уж там — он нашел потенциального Укротителя.

Вот так чернокожий дикарь по имени Очин стал поводырем сагара. Зверь принял чернокожего опекуна легко и радостно, вызвав глущую злобу всех поводырей.

Мало того — у Очина кроме дара обнаружился несносный характер, причем было видно, что половину своей злобы он пока хранит в себе.

Сама ситуация бесила меня безмерно: мало того что сагара получил не самый приятный мне поводырь, так еще пришлось вживлять

ему в голову «наказ». Но иного выхода я не видел. Вмешаться в связь Укротителя с сагаром не мог даже другой Укротитель, а оставить у себя под боком без контроля такую сильную связку было недопустимо.

Ментально-магический «наказ» в голове чернокожего наверняка был главным источником раздражительности Очина, что вкупе с не самым простым характером давало гремучий результат. Его постоянно били в темных углах, даже несмотря на мой запрет, и, не имея возможности ударить недругов, Очин доставал всех словами. Мои попытки защитить его вызывали лишь угрюмое молчание хулиганов и поток насмешек от объекта защиты.

Вот и сейчас коллега явно задумал какую-то пакость. Причем похоже, что эта затея на время примирила его с остальными поводырями.

Кто бы сомневался — строптивые поводыри готовы «дружить» с кем угодно, лишь бы подsunуть мне свинью.

Внешне Очин был отдаленно похож на актера Уилла Смита, чем раздражал меня еще больше. Уважение к актеру частично переносилось на чернокожего Укротителя, но встречало только отторжение.

Вот зараза! Что же они задумали?..

Додумать мне не дали — представление началось. Гулко задрожал большой гонг. Два поводыря с обеих сторон арены поднялись с лавок и медленно перешли мостики, чуть свернув к боковым переходам. На боковых мостиках тут же показались два верховых ковая. Звери стремительными тенями скользнули мимо своих опекунов навстречу друг другу.

Казалось, звери совсем не замечают наездников, но поводыри ловко ухватились за седла, и их буквально забросило на спины питомцев. А еще через мгновение рычащие звери сплелись в клубок. Сойдясь в коротком клинче, они отскакивали друг от друга и тут же вновь бросались в атаку.

Наездники казались плотно пристегнутыми к спинам коваев рюкзаками, но при этом умудрялись иногда наносить по противнику удары тренировочными мечами. Трибуны бесновались, и этот практически животный рев толпы вызывал у меня чувство горечи.

Еще при разработке Игр Драган, выслушав идею о контактных спаррингах, предложил просто стравливать о́ни без наездников и был удивлен моим резким отказом.

На заре моей кинологической карьеры мне пришлось столкнуться с последствиями запрещенных собачьих боев, что вызвало во мне жуткую ненависть, потому что это мерзко — стравливать безумно верных псов между собой на потеху пресытившимся хозяевам.

Конечно, с питомцами поводырей все было иначе — жесткие тренировки повысят шансы выжить в реальном бою, к тому же с насадками на когтях, жалах и клыках повредить друг друга они не смогут,

даже если захотят. И все же драться без наездников я запретил — так что если у кого и был шанс получить травму, то у людей. Спор разрешили сами поводьры. Засидевшиеся без дела воины рвались в бой, да и Драган понимал, что польза от парной работы значительно перевешивает риск повышенного травматизма.

Пока я вспоминал разговор с командиром Корпуса, всадники на коваях дошли до пика своей схватки. Один из зверей пропустил изрядную плюху лапой собрата и замедлился. Хоть когти и прикрыты колпачками, удар такой лапой был посерьезнее пинка конским копытом. К тому же седок пострадавшего зверя тоже успел получить по шлему и явно плохо держался в седле, а значит, почти утратил контроль над питомцем.

Такое положение позволило победителю немного покрасоваться перед публикой. Ковай отскочил назад и, разгоняясь, вновь устремился на соперника. Второй ковай припал к земле, готовясь к столкновению, но атакующий зверь неожиданно взмыл вверх. Причем прыгнул он без наездника — поводьрь ловко соскочил с седла и, проделав два полных оборота в перекате, эффектно замер на одном колене. В это время его питомец пролетел над припавшим к земле собратом и уцепился за него как минимум тремя лапами. Накладки лишали когти убийственной остроты, но не делали их менее цепкими. Сила инерции провернула образовавшуюся сцепку — атакующий ковай оказался на спине, а зацепленный им зверь вместе с седоком, задрав голову, взмыл в воздух.

Получился своеобразный «бросок через себя». Ни ковай, ни его поводьрь без опоры под лапами уже ничего не могли сделать — аэродинамические свойства у о́ни были чуть лучше, чем у утюга.

Пролетев метров пять, проигравшая пара свалилась в ров с водой. Обслуга тут же подбежала к бордюру, но, судя по тому, как они спокойно вернулись на свои места, внизу все было в порядке.

А победитель принимал овации.

Ничего, будут ему «овации» — схватки были придуманы для тренировок, а не рисовки перед девчонками.

Пока я обдумывал кару для хвастуна, на площадке появилась еще одна пара поводьрей. Эти бойцы были одеты в более серьезную броню, считавшуюся в Корпусе стандартной. Среди поводьрей уже давно не было нихонцев, но в Брадаре все еще чтили традиции переселенцев с Хоккайдо. Броня поводьрей напоминала латы японских самураев — пластинчатый панцирь, рогатый шлем и стальная личина со скорченной рожей.

На безмолвный зов поводьрей в тоннелях за боковыми мостиками появились два хах-ковая — по строению скелета звери были похожи на медведя. Если представить себе медведя размером с небольшого слона и плотно облепленного костяными пластинами. Два самых больших панциря находились по бокам и прикрывали гнезда

для симбионтов — простых коваев. Хах-коваи аккуратно перешли через узкие мостики и застыли, чуть приподняв боковые щитки.

На камень пола тут же прыгнули четыре ковая — по два на каждую симбиотическую троицу. Эти звери являлись уменьшенной версией своих более крупных, ховивших под седлом собратьев. Если верховые коваи достигали до размера пони, то обычные были с крупную собаку. По манере движения оба вида коваев походили на львов. Отдаленное сходство нарушала жесткая, усеянная шипами кожа, три костяных гребня на голове и совсем жуткий набор клыков — льву такое не могло присниться даже в кошмарах.

Глядя на симбионтов, я вспомнил своих первых питомцев — хах-ковая Дубка и его малышей Бима и Бома. Верные они отдали свою жизнь, чтобы спасти мою, и я никогда этого не забуду.

Во второй схватке поводыри забирались в седла не так лихо, но урон зрелищности с лихвой окупал солидный вид хах-коваев.

Гонг вновь загудел, оповещая всех о начале очередного боя.

Теперь все происходило медленнее, но значительно веселее. Вначале прошел стандартный ход. Хах-коваи как быки врезались друг в друга треугольными головами с накладными, на этот раз тупыми, лезвиями. Но медлительность и видимая неуклюжесть были серьезной обманкой. В принципе исход боя я мог предсказать уже сейчас. Один из пары коваев более опытного поводыря резко распластался по полу, его соперник радостно прыгнул сверху и тут же с недовольным воем улетел в воду от удара массивного «шестопера» на хвосте хах-ковая. Вскочивший на лапы «малыш» бросился на помощь брату. Хах-коваи и в это время продолжали бодаться.

Бой коваев продлился недолго — пара победителей быстро спихнула соперника с арены и тут же начала наскокивать на вражеского хах-ковая, пытаясь достать поводыря. И огромный зверь, и его поводырь растерялись, а их соперники усилили напор, через десяток ударов сердца оттеснив их к самому краю площадки. Огромный они попытался зацепиться за кромку площадки, но был слишком тяжел и рухнул вниз. Брызги воды от падения огромного тела даже выплеснулись на площадку. До меня дошла волна недовольства хах-ковая — здоровяки очень не любили купаться.

Пока Игры шли вполне предсказуемо — травм не было, народ веселился, а бойцы получали необходимый опыт.

Следующими на арену вышли хидои. По строению скелета и движениям эти они напоминали собак, но на этом сходство заканчивалось. Размером хидой был меньше хах-ковая и раза в полтора больше буйвола. Образ самого опасного, если не считать сагаров, магического зверя дополнял сплошной панцирь, широкие, направленные вперед рога и скорпионий хвост, которым хидои владели виртуозно. Броня наездников на хидоях имела свои отличия — она была легче, чем защита поводырей хах-коваев, но при этом на спине имелся бо-

льшой щит, делавший воинов похожими на черепаха. С глухим перестуком сочленений живой брони на арену выбежали хидои. Они на мгновение притормозили у своих наездников и, приняв тех в седла, ринулись в атаку. Рогами хидои пользовались редко — больше использовали скорпионий хвост. Сейчас острые жала были прикрыты накладками, но от этого удары не становились менее весомыми.

Два мощных зверя кружили по арене, «фехтуя» хвостами. Выпады хвоста соперника хидои блокировали либо своим хвостом, либо передней лапой. В этой схватке наездники отыгрывали роль статистов. Они лежали в седлах, практически слившись наспинными щитами с броней своих питомцев, и полностью отдавались ментальному управлению боем.

Один из наездников оказался хитрее — он заставил своего хидоя воспользоваться хвостом как дубиной, а противник продолжал попытки нанести колющий удар.

Хвост хидоя, словно плеть, обошел блок и хлестнул насадкой на жале по спинному щиту наездника-соперника. Опасаясь за своего седока, зверь инстинктивно отскочил назад. Атакующий хидой без промедления прыгнул следом и вмазал лапой по морде соперника, тут же добавив жалом по правому боку. Удары развернули пострадавшего и завалили на спину. Зрители опасливо охнули, но мне, как и любому поводырю, было известно, что, кроме неприятных ощущений, наезднику ничего не грозит. Вес зверя приняли на себя ограничительные штыри и наспинный щит. Впрочем, страховка уже не могла помочь поводырю в этом бою. Его зверь в перекате получил удар жала по брюху и практически сразу — тычок рогами в бок. Так что вращение продолжилось и закончилось уже за кромкой арены.

Наездник-победитель приподнялся в седле и заставил своего питомца встать на задние лапы. Длинный скорпионий хвост выписывал в воздухе сложные фигуры, словно дирижируя восторженно воющей толпой.

Этот восторг не затянулся надолго, потому что зрители с нетерпением ждали главную схватку дня, а она должна была начаться с минуты на минуту.

Очин лениво поднялся со своего места и направился через мост к арене. Толпа заворуженно притихла. Все знали, что чернокожий поводырь является наездником сагара, это подтверждало и отсутствие брони, так что все ждали схватки двух легендарных зверей. Меня же отсутствие брони лишь насторожило. Происходящее нравилось мне все меньше и меньше. Почувствовался тухлый запах чужих интриг.

Я нехотя поднялся с кресла и направился на арену.

Ситуация начала проясняться, когда через боковой мосток по одному перешли три хидоя, и только один из них был с седлом.

Он что, собирается драться на хидое без брони и спинного щита?

То, что мой соперник мог контролировать троих зверей, меня не удивляло — я и сам был способен на такое.

Так вот, оказывается, в чем интрига — поводыри решили проверить, выдержит ли сагар бой с тремя хидоями. Все верно — в правилах я специально оговорил, что дерутся два поводыря без ограничения количества питомцев.

Замотанный в белый хитон чернокожий поводырь на фоне брошенных зверей смотрелся эффектно. Трибуны взорвались воплем восторга. Многие наверняка поставили именно на Очина, но этот нюанс уже интересовал меня меньше всего. Важнее было другое — почему наездники на хидоях доверили ненавистному опекуну сагара своих питомцев? И кого они хотели угробить? Скорее всего, интрига плелась против чужака, так как предполагалось, что я буду драться внутри сагара.

А это мы сейчас и проверим.

Не особо напрягаясь, я послал двойной зов.

Рудый вперевалочку, лениво перебрался через мост. Зрители взорвались приветственными криками и тут же затихли, когда на арену, словно вихрь, ворвалась Злюка. Они были беспольными существами, но мне казалось, что женское имя этому зверю очень подходит.

Над трибунами воцарилась гробовая тишина.

Я повернулся к боковому проходу и сделал знак воинам обслуги. В рядах боевых работников всегда царила железная дисциплина, поэтому они, не раздумывая, выполнили приказ. В мгновение ока Злюка была обряжена в тренировочную сбрую, а на недовольного Рудого нацепили намордник и когтевые накладки.

— Владислав! — закричал Вин Драган и сорвался со своего места. Под аккомпанемент тревожно загудевших поводырей он начал пробираться в сторону арены.

Кажется, ребята поняли, что заигрались.

Но я не стал дожидаться постороннего вмешательства и коротко кивнул своему сопернику, который, можно сказать, впервые посмотрел на меня с уважением.

Это, конечно, было не самое умное решение — без серьезной брони один удар даже прикрытым защитой жалом переломает мне все кости, но я не собирался подставляться. К тому же достала подковерная игра с поводырями, чье открытое недовольство было «стреножено» командиром Корпуса и въедливыми священниками кардинала Дагды. Хотелось вновь довести все до острой стадии, да и приключения в этом мире как-то незаметно подсадили меня на адреналин. А за зиму в моей жизни не происходило ничего интересного — появилось желание добавить остроты мировосприятию.

Не самая разумная мысль, но отступать уже поздно.

На спины хидоев мы взлетели одновременно и тут же послали их в атаку. Злюка, с явным недовольством, лишь обозначила удар хвостом.

том и ушла в глухую защиту. Фехтование скорпионьими хвостами — довольно странное зрелище: два бронированных монстра, низко приправ к земле, старались достать друг друга жалами на длинных хвостах, при этом парируя выпады соперника.

Очин попытался отвлечь мое внимание прямым поединком, но его заковыристый характер я изучил уже давно, поэтому фланговую атаку двух контролируемых негром видео не пропустил. Злюка с места прыгнула назад, а на ее место ввалился Рудый.

Притихшие трибуны восторженно завопили — именно этого они и ожидали. Очин также отвел своего хидоя чуть назад, потому что в центре арены уже вращалась жуткая молотилка.

Рудый встретил правого хидоя бесхитростным ударом в морду, а получив по большому горбу набалдашником на жале, добавил ногой, как заправский футболист. На секунду оторвавшийся от пола хидой заскользил к краю площадки, но все же сумел удержаться на краю — добивать его было некому, потому что сагар уже сцепился со вторым соперником.

Рудый бил словно боксер, а хидой хлестал сагара хвостом и пытался поддеть передней лапой за ногу. На секунду в этой схватке воцарилось равновесие. Но при такой расстановке сил оно не может быть долговечным. Я послал Злюку к сопернику Рудого, и тут же она передала сигнал об опасности со стороны хидоя, возвращающегося с края площадки. Я в это время ничего не видел, сконцентрировавшись на контроле сагара.

Злюка ударом коротких и широких рогов отвлекла внимание чужого хидоя, а когда тот развернулся, Рудый ухватил его за хвост. Второй хидой был уже рядом, но все равно опоздал.

По моей команде Злюка вновь отпрыгнула, давая Рудому пространство для маневра. Схваченный за хвост хидой невольно завизжал, царапая когтями каменный пол. Но он уже потерял опору под лапами, скользя по гладкой поверхности. Сагар без лишних затей начал раскручивать тяжелое тело соперника вокруг себя. В начале второго витка он отпустил скорпионоподобный хвост, и хидой, не прекращая визжать, заскользил по полу, сбив своим телом рвущегося ко мне напарника. В воду они свалились, визжа уже в унисон.

Рудый вдруг неподвижно застыл, большой горб на его спине с Y-образной щелью начал расходиться тремя лепестками. Этим шансом тут же решил воспользоваться Очин. Ну а я позволил себе немного покрасоваться. Когда Злюка пробежала мимо застывшего сагара, я прямо из ее седла прыгнул на спину Рудого.

В следующее мгновение два хидоя столкнулись прямо перед сагаром. Мощные звери, как до этого хах-коваи, уперлись друг в друга рогами. Очин сразу нацелил своего питомца на Рудого и постарался достать его ударом хвоста поверх Злюки. Получилось зацепить лишь

кончиком по морде. Рудый частично потерял подвижность, но не ясность мышления. Створки горба накрыли мое тело, а ярость зверя затопила мозг. Пришлось воспользоваться виртуальным шаром ментального управления сагара, чтобы снизить накал эмоций. Не хватало еще действительно угробить строптивного Укротителя.

После короткой слепоты по зрительным нервам ударили переданные магическим обручем импульсы глаз сагара. Мир обрел чуть измененный вид, но к этому я давно привык. Тесная полость в горбу сагара сковывала мои движения, но за меня двигался Рудый. Реагируя на мои мысленные приказы, он шагнул вперед.

Шах — сагар пришел в движение и недовольно отпихнул в сторону увлекшуюся Злюку. Для моей задумки дистанционного управления было недостаточно — слишком уж тонкая предстояла «операция». Сагар походя хлопнул увлекшегося противостоянием хидоя Очина кулаком по голове, а затем аккуратно подцепил когтями просторное одеяние чернокожего Укротителя.

Злюка атаковала «поплывшего» хидоя, а мы с сагаром донесли беснующегося в своей хламиде Очина до края площадки.

Мат — сагар аккуратно уронил Очина в воду, а за спиной послышался мощный всплеск воды, смешанный с победным ревом Злюки. Через мгновение все другие звуки перекрыл восторженный рев толпы.

Да уж, похоже, с этими игрищами я ошибся: азарт — штука коварная, и поводыри слишком увлекались противостоянием и интригами.

И все же восторг зрителей был приятен.

Сагар застыл, выпуская меня из своего горба, и я, выпрямившись во весь рост, раскинул руки.

Вот теперь настроение стало действительно праздничным.

Они отправились в свои логова, а ко мне подошел злющий Драган.

— Владислав, ты зря так рисковал.

— А чего вы хотели? — недовольно спросил я. — Кто был целью заговора — Очин, или, может быть, задумали угробить меня?

— Какого заговора?

— Не прикидывайтесь дурачком, Вин, меня задолбали ваши интриги. Никто не мешал нашим поводырям укротить Мрака. Вы злитесь на нас с Очином, а злиться нужно на себя. Вин, это твой косяк, тебе его и исправлять. — Решив, что нотаций уже достаточно, я сменил тему: — Происшествия есть?

— Да, Ерин руку сломал... наездник на верховом ковае, — уточнил для меня Драган.

— Честно говоря, я уже сомневаюсь, что это была хорошая идея.

— Да брось ты, — отмахнулся командир Корпуса, — шикарная идея: и парням веселее, и звери держатся в форме. А на переломы и травмы есть целители.

Да уж, целители у меня действительно есть. И целители хорошие, но все равно нужно проверить неудачно приводнившегося по-водыря.

Госпиталь, как и мои апартаменты, находился в гномьем скальном поселении. Места там по-прежнему хватало — гномы, хоть и увеличили свою численность, предпочитали отсиживаться на нижних уровнях, а люди не горели желанием селиться в глубине скалы.

Отправив своих питомцев по логовам, я прошел два коридора с небольшой лестницей и оказался в длинном зале с высоким потолком. Всю правую стену на небольшом расстоянии друг от друга занимали светорассеивающие линзы, дававшие много света. Причем освещение сильно отличалось от такового в моих покоях — целители вместе с Богданом и гномами что-то там намудрили, и теперь помещение госпиталя заливал какой-то особенный, по уверениям лекарей, целебный свет.

Переговоры с магистром Годобрадом, больше походившие на ругань двух торговков, все же завершились для меня положительно, и в столицу нового княжества отправились два только отучившихся целителя и один опытный маг. Молодых лекарей я тупо выкупил, а опытного целителя взял на время, хотя, судя по его поведению, есть шанс привязать старика к госпиталю хорошей зарплатой и условиями работы.

Вдоль левой стены похожего на большой тоннель зала находились отдельные кабинки с перегородками из дерева, шелка и бумаги — подобный «дизайн» я подсмотрел в казармах óни-гвардии на Хоккайдо.

Из ближней «кабинки» выпорхнула курносая девчушка в наряде медсестры. Увидев меня, она ойкнула и, не говоря ни слова, побежала в дальний конец зала.

Ничего так, шустрая. Жаль, не удалось ввести в обиход наряд медсестричек двадцатого века — смотреть на бег девушки было бы намного интереснее. Увы, местные нравы оказались слишком пуританскими и все же под моими усилиями постепенно давали небольшие трещинки. Но пока пришлось ограничиться нарядами медсестричек времен Гражданской войны.

Именно в таком наряде из своего кабинета в дальней части зала вышла местная начальница.

Удивительно — всего лишь год назад Нарина была смешливой девчонкой, постоянно краснеющей и смущающейся, а теперь передо мной строгая и гордая женщина.

— Здравствуй, Нарина.

— Здравствуйте, ваша светлость, — степенно склонила голову девушка. В отличие от медсестер, она не носила чепца на голове. Русые волосы украшала красивая диадема, по совместительству являющаяся артефактом, усиливающим магические способности. Богдан постарался для своей супруги и сделал усилитель очень красиво, явно припахав для этого кого-то из гномов.

В госпитале я изначально организовал привычную для меня структуру — лечением руководил главврач, а остальным управлял директор, на должность которого я и назначил Нарину. Пришлось немного поскандальить с мэтром Эоганном, но со временем старик согласился с удобством такой структуры. Постепенно старик проникся симпатией к молодой директрисе, а молодых целителей Нарина вообще едва не с руки кормила.

— Как там наш пострадавший? — спросил я, но Нарина ответить не успела.

— Спасите, ваша светлость! — раздалось из кабинки-палаты.

Я лишь удивленно поднял брови, а Нарина в ответ устало закатила глаза. После обоюдной пантомимы мы вместе пошли на голос.

В небольшой и чистой «ячейке» палаты на белых простынях лежал раздетый до подштанников поводырь. Его рука была загипсована и покоилась в перевязи. Парень попытался сесть на кровати, но, натолкнувшись на колючий взгляд Нарины, покорно лег обратно.

Да уж, что делает власть с милыми и застенчивыми девушками...

— Ваша светлость, меня на праздник не пускают!

— Тяжелый случай? — спросил я у Нарины.

— Не особо, — нахмурилась директор. — Закрытый перелом и пара ушибов. Но лучше ему полежать, а не скакать козлом на ваших гульбищах.

Ага, понятно: не имея возможности надеть узду на мужа, Нарина решила отыграться на больном.

Успокаивающе кивнув страдающему юноше, я отвел девушку в сторону.

— Нарина, отпусти его, пусть повеселится.

— Вам бы все веселиться, а случись что — спрос с меня, — вспыхнула девушка.

— Нет, с тебя никто не спросит. Кстати, где наши целители?

— Где-где, — недовольно проворчала Нарина, — там же, где мой муженек, на вашем карнавале.

— Ты права — это, как ты сказала, «гульбище» придумал я, и все же это наш общий праздник, а ты небось собралась просидеть весь вечер в четырех стенах?

— Я порядочная женщина.

— Ты так говоришь, будто пытаешься это кому-то доказать. Милая, весь город абсолютно уверен в твоей добродетели. Нельзя копить злость в себе. — В моей голове появилась интересная идея. —

Знаешь что, отправляйся-ка ты к мэтрессе Элис и выбери себе самое красивое платье за мой счет.

Убийственный довод. Где вы видели женщину, которая откажется от нового платья, причем без малейшего ущерба семейному бюджету?

— Но...

— Никаких «но». Надень это платье, скрой лицо под маской и попробуй охмурить собственного мужа. Гарантирую, будет весело.

В глазах Нарины злость сменилась озорным огоньком.

Что ж, Богдану сегодня будет весело — его ждет брадарское прочтение мюзикла «Летучая мышь». Это, конечно, подстава, но за друга я не переживал. Он действительно любил свою жену и еще не скоро начнет смотреть налево. Возможно, благодаря моей «подлости» это случится намного позже, и не из страха попасться, а потому что интерес к супруге будет подогрет интригой.

Оставив директора госпиталя переваривать новую идею, я отправился в свои покои. После душа напряжение схватки наконец-то отступило, и пришло время облачаться для праздника. Как уже не раз до этого, наряд для меня готовила лучшая портниха города — та самая мэтресса Элис, к которой я отправил Нарину. Да что там портниха! Еще молодая вдова вполне могла величать себя модельером, причем настолько хорошим, что мне даже не приходилось ходить на примерки.

Мой наряд дождался меня в спальне, принесенный сюда прислугой. После пары минут возни с одеждой из большого зеркала выглянул довольно интересный персонаж. По черным колету и брюкам словно пробегали алые лепестки пламени, заканчиваясь золотистыми искорками. Прорези для глаз на карнавальной маске окружал черный бархат с каплями рубинов. Наряд завершала небольшая треуголка — кстати, совершенно непривычный для этого мира головной убор. Что ж, Элис решила в этот раз отказаться от интриги и выполнила наряд в моих геральдических цветах, явно в честь сегодняшней схватки. Она, как и Сиг, в моей победе не сомневалась. Раньше модельер позволяла мне порезвиться в наряде самых неожиданных цветов, но только не черно-красных.

Интересно, сколько сегодня выиграла эта парочка абсолютно непохожих друг на друга людей — утонченная женщина и дикий варвар. Также было очень любопытно, сколько проиграли остальные, включая моих самых близких друзей. И ведь они вполне серьезно решили, что Очин искупает меня во рву...

Толстые стены гномьего поселения защищали меня от всего на свете, и, как только я шагнул за охраняемые грустной стражей цельнометаллические ворота, по ушам ударили шум и гам веселого праздника. Княжеский город Мен горел разноцветными огнями, а над крышами плыли сияющие миражи специально вызванного из столи-

цы провинции мага-иллюзиониста. Эти ребята в прикладном плане были совершенно бесполезны, но ради такой красоты им многое можно было простить.

Пока я шел к центру городка, толпа гуляющих людей становилась все плотнее. Первое время мой взгляд не отрывался от неба над улицей. Там, на мгновения закрывая звезды, проплывали призрачные фигуры драконов, крылатых женщин и совсем уж фантастических животных необычайной красоты.

Красоты хватало и внизу. Раз в три месяца народ отрывался на полную в круговерти карнавала. Люди скрывали за масками всю свою серьезность и отбрасывали все проблемы. Наряды пестрели дикими, даже несуразными собраниями ярких цветов, а маски превращали людей в таинственных существ — прекрасных и веселых, без оглядки на возраст и общественное положение.

Будни княжества Луг Дирг были тяжелыми и серыми, поэтому я решил подкрасить их веселыми праздниками, после которых и работается лучше, и живется зазорнее.

Посреди перекрестков стояли деревянные помосты, на которых играли музыканты — традиционный здесь квинтет из барабанщика, двух дудочников и двух человек, играющих на миниатюрной версии арфы.

Вначале я думал, что придется вмешиваться и в музыку, но, на удивление, в этом плане все было более чем хорошо. Славянско-кельтский слав культур породил оригинальную музыку. Нечто похожее на неаполитанские мотивы, но со славянским размахом.

На небольших площадях народ собирался в большие хороводы, а на улицах кружились пары в танце, похожем на какой-то рваный венский вальс — танцующие делали десяток стремительных оборотов в венском кружении. Затем они останавливались, отступали на шаг друг от друга, держась за руки. Казалось, танцоры старались еще раз рассмотреть партнера и вновь, крепко прижавшись, пускались в безумное кружение.

Ближе к стенам зданий находились столы с яствами. Соблазнительные запахи привлекли мое внимание — после боя аппетит усилился десятикратно. Но дойти до столов мне не дали.

— Потанцуеть? — Ко мне шагнула женская фигура в желтом платье с большим декольте. В прорезях желтой же маски блеснули карие глаза.

Это придумал уже не я — местные скрестили карнавал с каким-то своим праздником, в котором все танцы были «белыми» и приглашение всегда подкреплялось поцелуем. У мужиков в таком случае выбора не было вообще. Впрочем, жаловаться грех. Мои губы ожег быстрый и юркий поцелуй, а через секунду мы уже кружились в танце.

По тем же правилам танцевать два раза подряд с одним мужчиной не полагалось, поэтому желтый «мотылек», воспользовавшись

паузой, упорхнул. Именно этого я и добивался, внося подобное новшество.

Очень часто даже самая искренняя любовь разбивается о серый гранит быта. Мне не довелось жить семейной жизнью, но имелся опыт общения с замужними дамами, причем не всегда любовный. Из общения с ними я понял, что «налево» женщины ходят не за удовольствием, а за праздником, желая хоть пару часов пожить легкой жизнью без уборки, готовки и мытья посуды. Хоть на мгновение вырваться в иллюзорный мир вседозволенности. Именно это я и хотел дать всем женщинам моего города — невинный и анонимный флирт без тяжелых последствий. Одним из главных условий карнавала было то, что желающий более тесного общения снимает маску. Вновь образовавшаяся пара уходит вместе, не скрывая лиц.

Моя мимолетная знакомая не стала открывать лицо, а значит, от меня ей нужен был лишь миг ярких эмоций.

— Ваше сиятельство!

— Твою мать... — прошипел я сквозь зубы, наблюдая за разряженным в пух и прах толстяком, явно из торговой братии, ринувшимся ко мне с двумя бокалами.

Пьяный мужик решил, что сделал великое открытие, опознав по красно-черному костюму ярла Луг-Дирг, и конечно же захотел выпить на брудершафт.

Как говорил Портос: «Кардинал — не дама, разговор пойдет не о любви».

Также не о чем было говорить с подвыпившим торговцем. И вообще, для равноправного общения необходимо даже не равенство в социальном статусе, а одинаковая степень опьянения.

И где, интересно, моя охрана, когда она так нужна?

Старания мага-иллюзиониста, мельтешение нарядов и разноцветные огни смазывали картинку окружающего мира, и в этой «мути», как щука в речной воде, скрывалась фигура моего телохранителя. Даже скорее не щука, а сом — огромная и очень опасная «рыбка». Из круговерти танцующих фигур вынырнул огромный монстр в обличье перистого дракона. Мощная рука человека в маскарадном костюме подцепила пьяного купца за шиворот и, развернув в противоположную сторону, мягко придала необходимое ускорение.

Под маской блеснули крупные зубы Клеппа по прозвищу Медная Голова. С тех пор как мои целители вырастили гиганту-викингу новые зубы, он улыбался по поводу и без повода. Правда, не всегда эту улыбку неподготовленные люди могли перенести без приступа икоты.

Сделав свое дело, Клепп вновь растворился в мельтешении праздника...

За пару часов меня затанцевали до головокружения. И среди вереницы легких касаний женских губ выделялся один долгий и страстный поцелуй.

— Потанцуем, — без малейшего вопросительного оттенка заявила незнакомка в ярко-красном платье и с россыпью мелких рубинов на алой с перьями маске.

Она говорила тихо и с хрипотцой. Но я редко опознаю дам по голосу. Их всегда выдают глаза и запах, уникальный для каждой женщины. Особенно хорошо это работало в мире натуральных цветочных парфюмов, которые лишь подчеркивают истинный аромат.

Наш танец был стремительным и страстным, как и завершивший его поцелуй, подаренный мне в обход общепринятых канонов. Она прощалась не со мной, а с детским увлечением — возможно, своей первой любовью.

Взмахнув широкими рукавами, словно лепестками пламени, «незнакомка» исчезла в толпе.

Интересно, она не подумала о том, что завтра же мэтресса Элис похваляется тем, какое шикарное платье предоставила всеми уважаемой директрисе госпиталя?

Все сработало именно так, как я и предполагал. Нарина выплеснула накопившийся в душе сгусток эмоций и теперь перестанет грызть своего мужа — человека веселого и любящего праздники. На этот эффект сработает еще и легкий оттенок вина.

В общем, все хорошо. Ночь обещала быть волшебной, особенно потому, что желтый «мотылек» все же вернулся ко мне и снял маску. Я узнал одну из белошвеек Элис, которая уже давно строила мне глазки. Поэтому ничего не оставалось, как снять маску самому, но в укромном месте, чтобы окончательно не скомпрометировать девушку — ей еще замуж выходить, и боюсь, что не за меня.

Как назло, именно в этом укромном уголке меня и нашли неприятности.

— Ваше сиятельство, — послышался виноватый голос солдата обслуги с повязкой дежурного по портовой страже.

Парень растерянно втянул голову в плечи, косясь на угрожающе нависшего над ним Клеппа.

— Что случилось? — спросил я, пряча девушку за собой.

— Мне очень жаль, но с закатом прибыл гонец от наместника. Я, как мог, уговаривал его отложить передачу послания до утра, но он никак не успокаивался, и вот...

— Все нормально, — благосклонно кивнул я, принимая свиток письма. — Можете возвращаться на службу, но предварительно выпейте бокал вина и не откажитесь от одного танца. Но только по одному — и того и другого.

— Конечно, — просиял солдат. — Спасибо, ваше сиятельство.

Клепп виновато развел руками, признавая свою оплошность.

— Да ладно, — отмахнулся я, разворачивая письмо.

Увы, прочтение послания ясности не внесло — мой родич срочно вызывал меня в столицу провинции, причем тон письма был более чем категоричным. Впрочем, дежурный солдат был прав — это дело могло подождать до рассвета, и у нас с «мотыльком» оставалось время на шалости...

Умаявшаяся девушка умильно сопела вздернутым носиком мне в плечо. Она даже не пошевелилась, когда я покидал спальную нишу в своих покаях.

Привычно скользнув ментальным шупом по яйцу на артефактной подставке, я опять обнаружил лишь слабо тлеющий огонек неведомой жизни. Вроде таившийся под скорлупой они по-прежнему не собирался наружу, а то будет неприятно, если девушку разбудит не приятный поцелуй, а нечто похожее на Рудого в младенчестве. Для неподготовленной психики это будет изрядным шоком.

Быстро одевшись в походно-представительский костюм, я схватил из оружейного шкафа «бабочку» и одного из «близнецов».

В логовище меня уже встречали недовольные Зеленый и Али, который с недавних пор сменил Вина Драгана на должности командира наездников на хидоях. Поводыри Корпуса, как обычно, приняли это назначение в штыки, но мне уже давно было плевать на переживания этих снобов. Пусть разбираются Драган, Али и настоятель городской церкви: именно на него кардинал Дагда возложил ответственность за духовный и идеологический контроль поводырей.

Оба моих сопровождающих откровенно зевали и злобно поглядывали то на меня, то на омерзительно бодрого Клепша. Улыбающийся викинг с радостью спихнул заботу обо мне на поводырей и сейчас хорошенько напьется — праздник с рассветом хоть и значительно сбавил обороты, но и не думал затихать полностью.

Чтобы не пугать подвыпивших гуляк, покидая долину Мен, мы воспользовались объездной дорогой. Предупрежденная стража стены вовремя подняла решетку, так что мы вырвались на предгорные просторы без малейших задержек.

В принципе можно было воспользоваться баржей, чтобы добраться до столицы округа по реке, а затем уже по дороге двинуться в сторону Дун-Идена. Но утренняя прохлада буквально требовала стремительности в движениях. С небольшим привалом хидои могли доставить нас до столицы провинции намного быстрее.

К полудню этого же дня мы въехали в ворота Дун-Идена (что в переводе с брадарского означало «богатый форт»). Если быть точным, въехали только я и Али, и уже на лошадях, оставив хидоев с Зеленым на специально и заранее приобретенном для этого подворье за городом.

Наместник провинции встретил меня хмурым взглядом.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВОДЫРЬ ЧУДОВИЩ	7
ЗАЩИТНИК МОНСТРОВ	253
ИСТРЕБИТЕЛЬ ТВАРЕЙ	497